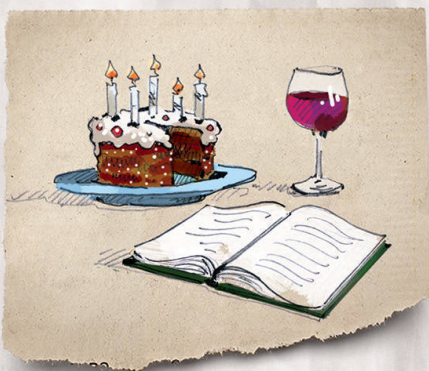

Мария
Метлицкая

Беспокойная жизнь
одиноким тетенькам

Мария Метлицкая
Беспокойная жизнь одинокой
женщины (сборник)
Серия «Женские судьбы. Уютная
проза Марии Метлицкой»
Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644115

*Беспокойная жизнь одинокой женщины : рассказы: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-51055-9*

Аннотация

Хлопотливые домохозяйки и жестокие акулы шоу-бизнеса, красавицы и дурнушки, роковые женщины и тихие простушки – героини этой книги совсем не похожи друг на друга. Но есть то, что их объединяет: извечная, самой природой заложенная потребность отдавать свою любовь близким – мужчинам, детям, родителям.

Но как быть, если твоя любовь никому не нужна? Если еда, приготовленная твоими руками, без дела стоит в холодильнике и некому оценить чистоту до блеска убранного дома?

Если некого утешить? Если в тебе никто не нуждается?

Женщина не может, не должна быть одинокой – героини этой книги пытаются переломить свою судьбу. Некоторым это удастся...

Содержание

Все как обычно	5
Мои университеты	29
Бабушкино наследство	49
Вопреки всему	58
Беспокойная жизнь одинокой женщины	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Мария Метлицкая

Беспокойная

жизнь одинокой

женщины (сборник)

Все как обычно

В три часа ночи я встала, тихо выползла из спальни, прокралась в кухню и открыла холодильник. Задумалась – и съела кусок селедки. Вот так. Представить страшно. А сделать? Еще минут сорок мучила совесть, но потом уgomонилась и она – вместе со мной. Проснулась с нытьем в правом боку и в паршивом настроении. И поделом! Пиши жалобу на себя. За окном январь, полное отсутствие снега и солнца, гнусная грязь и низкое, тяжелое, серое небо, мелкий, моросящий и колючий, словно ноябрьский, дождь. С действительностью примирили чашка кофе и сигарета. Написала список дел на день. Что поделаешь, такая привычка – фиксировать. По мере исполнения – вычеркиваю. Чем больше зачеркнутых пунктов, тем больше я нравлюсь себе. Раздается звонок. Сын. Голос тревожный. Началось в деревне утро.

– Мам, у нас ягодичное предлежание!

Так, ничего хорошего. До родов четыре недели. Набираю побольше воздуха и говорю безмятежным и бодрым голосом:

– Точно как было с тобой! Ты перевернулся на тридцать девятой неделе.

Веселюсь, хотя знаю, что такое бывает ох как нечасто.

– Да? – еще сомневается сын, но голос чуть веселее.

– Конечно! – вдохновенно продолжаю я. – Обычное дело.

Перевернется, куда денется.

– Ну ладно, я работаю, – обрывает он и кладет трубку. Можно подумать, это я ему позвонила и сильно отвлекла от важных дел.

Кладу трубку и лихорадочно начинаю искать Светкин телефон. Мой медицинский авторитет в семье по-прежнему непререкаем, но все же Светка – оперирующий гинеколог. Она – в разделе «ценные люди» и точно относится именно к ним.

Ее долго ищут по отделению, и наконец я слышу ее хрипловатый голос.

– У меня проблемы, – жалобно bleю я.

– У тебя? – удивляется Светка. – А я думала, что они ушли под ручку с климаксом.

Острит.

– Ну, не у меня лично, а у Анечки. Анечка – это невестка, – напоминаю я.

– Помню, – резко обрывает Светка.

Я продолжаю:

– Ягодичное предлежание, срок тридцать восемь недель.

Я думаю, может, еще перевернется, – с надеждой почти заигрываю я со строгой Светкой.

– Ты думаешь? – закипает Светка. – Ну да, я же забыла, что главный врач у нас ты.

Я все проглатываю. Ну не может Светка простить мне измену профессии. До третьего курса мы учились в одной группе, а потом я бросила институт и перевернула всю свою жизнь. Но, в конце концов, это Светка нам всем нужна, а не мы ей. Нас у нее – огромная туча. И все с проблемами. От своих проблем устаешь, а тут чужие...

– Посмотришь Анечку? – подобострастно спрашиваю я.

– А куда я денусь с подводной лодки? – тяжело вздыхает Светка. – Завтра, в восемь ноль-ноль, – с этими словами она кладет трубку.

Сурово, но я совсем не обижаюсь и с удивлением и тихой радостью обнаруживаю в себе не только нажитые с годами хронические болезни, но и приобретенные чудесные качества характера – терпимость, например.

Бедная Анечка, думаю я. Ей сейчас и так тяжело, а завтра еще вставать в шесть и ехать на другой конец Москвы. Я жалею Анечку, и мое сердце утопает в нежности. Это оттого, что я ее искренне люблю. Да-да, свою невестку Анечку. Бывает и так. Собственно, к жене сына у меня два требования – хотя что там требования, назовем это пожеланиями. Пер-

вое – чтобы она любила моего ребенка, и второе – чтобы не была клинической идиоткой. И тому, и другому Анечка соответствует с блеском. Ее способность находить компромиссы меня потрясает. Моему сыну она прощает все его выпады и сглаживает острые углы. Я вижу, как она смотрит на него, держит его за руку и проверяет, надел ли он теплые носки. К тому же у нее золотая школьная медаль, красный институтский диплом, быстрый карьерный рост и внешность белокурого ангела. Какое мне дело до того, что она не варит борщ и не печет пироги?

– Какая ты у нас умница! – говорю я ей. Искренне, кстати, говорю.

– Вы ко мне так снисходительны! – вздыхает Анечка.

А меня в этот момент распирает от гордости. Боже, как я мудра! И мы обе остаемся довольны собой и друг другом.

Снова звонок. Муж.

– У меня под языком валидол, – сообщает он.

Это означает: у меня ноет сердце, настроение говенное, и ты должна немедленно среагировать на все это. Сигнал к тому, что надо начинать тревожиться, сочувствовать и вообще быть в курсе. Иначе все бессмысленно и болеть ему неинтересно. Так ему легче. А мне? Но кто же думает обо мне? И я немедленно реагирую – встревоженным голосом задаю четкие и конкретные вопросы: где болит, давно ли, характер боли (тупая, острая, давящая).

Пусть Светка не смеется – три курса мединститута что-то

да значат. И в семье я действительно главный врач.

Муж на мои вопросы раздражается. Позвонил-то он не для этого. Но все же я чувствую, что ему становится легче. Так всегда, когда кто-то разделяет твою проблему, знаю по себе. Я еще что-то озабоченно советую, но он уже говорит, что я его отвлекаю. Я – его. Вот так-то. Понятно? Отбой.

Я смотрю на свой список и, вздыхая, начинаю его исполнять. Чищу картошку, отбиваю мясо, отвариваю яйца для салата, вытираю пыль, начинаю танцы с пылесосом – моя ежедневная гимнастика. Есть такие дураки, что пылесосят каждый день, – я из них. Но вообще-то у меня собака и кошка, и обе пушистые. Одновременно я включаю стиралку и посудомойку – моих верных, а главное, молчаливых помощниц. Тут я вспоминаю, что Наташка уже третий день не звонит. Хотя для нее это не срок. Наташка – это дочь. Одновременно дочь и стерва. Почему стерва? Потому что хочет – звонит, не хочет – не звонит. Мы ее мало интересуем. В общем, живет своей жизнью. Полная противоположность брату. Я с этим почти смирилась, правда, не до конца – сейчас я особенно резко это почувствовала. Понимаю, что больше не в силах выдерживать характер, теряю уважение к себе, но все же набираю номер ее мобильного. Она отвечает на шестой звонок. Я хорошо представляю дочь в эту минуту: она беззаботно крутит руль, мурлыкая под нос какую-то песенку, и косится на определитель, рассуждая при этом, стоит ли ей брать трубку, если это я. Потом я слышу ее протяжное и утомлен-

ное «аллоу-у».

– Ты – стерва, – сообщаю ей уверенно я и напоминаю: – У тебя есть мать.

Она капризно и нараспев произносит:

– У меня плохое настроение.

Это такое у нее серьезное оправдание.

– Что-то с Юрой? – пугаюсь я.

– Что с Юрой? – напрягается дочь. – С Юрой все как всегда. Мои присутственные дни в его жизни – вторник и четверг. Ничего нового.

Дело в том, что Юра женат, и даже более того – у него годовалый ребенок. Наташке он сразу объявил, что любовь любовью, а семью он не бросит никогда. Хотя... Никогда не говори «никогда». Мы-то это знаем. А он, видимо, еще нет – в силу молодого возраста. Я же говорю:

– Приличный человек. – Это я о Юре.

– А ты могла бы хоть раз подумать обо мне? – справедливо возмущается Наташка. – Я-то страдаю! Ты же моя мать, а не его теща.

В логике ей не откажешь.

– Лучше бы ты не страдала, а устроилась на нормальную работу, – начинаю я свою песню, хотя понимаю, что этот наезд не в мою пользу.

– Ты позвонила, чтобы устроить скандал? – холодно осведомляется дочь.

Она уже обиделась. Вся в своего отца. С ними непросто.

А со мной? Я беру себя в руки – в конце концов, это мой ребенок, и ему сейчас плохо, правда, ее проблемы, честно говоря, кажутся мне надуманными. С Юрой давно пора расставаться. Как говорится, невеста-то просватана, да и к тому же грудной ребенок. Конечно, этот молодой человек хорош собой, умен, остроумен, щедр и много зарабатывает, но в принципе это должно радовать не нас, а его жену.

Кроме того, их путь к совместному счастью слишком тернист, да и плохо пахнет. Можно найти что-нибудь попроще. Наташке уже двадцать пять, и вообще-то пора замуж. В общем, все как обычно: сначала я обижаюсь на дочь, а потом она – на меня. Так мы и живем.

– Когда заедешь? Я соскучилась, – кидаю я спасательный круг.

– Позвоню, – бросает Наташка. Все. Отбой.

– Позвонишь ты, как же. Опять дней через пять, – ворчу я и ставлю варить овощи на винегрет. Господи, идиотская привычка – два первых, три вторых, как говорит моя мама. Утрирует, конечно. Но в целом... В сказке был раб лампы, а я точно раб кухни. Дети уже живут отдельно, а привычка кашеварить, как на Маланьину свадьбу, увы, осталась. А вдруг кто-нибудь из них заедет поужинать? Не вдруг и не заедет. У них дел по горло. И мои винегреты и борщи их не очень-то волнуют. А если и заедут, то я буду сладострастно мечтать, как все это я рассую по банкам и контейнерам им с собой. Знаю, что они сначала предложат мне «не париться», потом

начнут орать и ничего с собой не возьмут. Дураки! Я бы взяла.

Опять звонок. Мама. Она снова не спала и маялась всю ночь: мысли, говорит она. Отключать не получается. Это у нас семейное. Обсуждаем с ней прочитанное за ночь. Почти на все мнения совпадают, только она более доброжелательна и наивна. Рассказываю ей про детей и мужа – естественно, в облегченном варианте, поливать собственных детей и родного мужа неохота даже с мамой. Это моя личная прерогатива, только я могу это делать в любом объеме. Остальные – ни-ни, ни бабушки, ни отцы. Подруги этого и так не делают, они у меня умные. Мама подробно выспрашивает, как у нас дела. Как будто не знает – все одно и то же. Тьфу-тьфу, слава богу! Но ей интересны подробности.

– Ты работаешь? – спрашивает она.

– Когда? – возмущаюсь я и слегка обижаюсь.

Это вообще моя любимая тема – о том, что работать мне некогда. Хотя, если признаться, эту жизнь я делаю себе сама. Наверное, для меня все же первично другое – в смысле, быть женой и матерью. Хотя все считают, что писать – это мое главное и основное занятие. Все считают, но никто не считается. Сама виновата. Пора перестать хлопать крыльями над всеми ними.

– Кончай греметь кастрюлями и садись работать, – решительно напутствует мама.

И я опять злюсь. Вообще-то повторяется схема «мать –

дочь». Где-то я недавно это уже слышала!

Я вытираю пыль. Полироль пахнет лежалым бельем, а нарисован на ней ландыш. Собака ходит за мной по пятам. «Ох, надо бы ее расчесать», – мелькает у меня в голове, но опять мешают звонки. На сей раз свекровь. Так, это на полчасика. Я приземляюсь в кресло, закуриваю и, горестно вздыхая, пересчитываю окурки в пепельнице. Пятая сигарета за утро. Понимаю, что такое угрызения совести. Свекровь начинает рассказывать сон. Тщательно и с подробностями. Моя умнейшая бабушка говорила, что пересказывать сны и фильмы – удел малокультурных людей. Свекровь так не думает, но при этом считает себя почти аристократкой – откопала на старости лет невнятные, на мой взгляд, дворянские корни. Какой-то сомнительный дворянин трахнул ее бабушку-кухарку. Короче, есть чем гордиться. Теперь она завтракает сыром рокфор и пьет горячий шоколад (напиток «Нестле» из желтой баночки с зайцем). И говорит, что так завтракал ее дворянский предок. Черт его знает, может, и правда. Потом она вспоминает всех неизвестных мне лично родственников поименно. Потом жалуется на соседей – машины ставят прямо под ее окна (живет она, между прочим, на десятом этаже).

– Господи, а куда же их ставить, эти машины? – оправдываю я соседей. – Ваш сын тоже ставит машину под чьи-то окна.

Но это не работает. Окна-то не ее, а сын как раз ее. И делает он всегда и все правильно – в этом она уверена. У

меня по отношению к моим детям такой уверенности нет. Внуками, кстати, она не интересуется, мною тем более. Бодро рапортую, что у нас все чудесно. Это и так, и не так. Но мне так легче, да и ей тоже. В конце разговора она хвалит какую-то мне неизвестную Риточку – невестку опять же неизвестной мне Ольги Петровны, – подробно рассказывает про ее пироги, чистоту и кружевные наволочки. Риточка сама эти кружева, видимо, и плетет, что очень трогает мою свекровь. Представляю славную Риточку, склонившую милую гладкую головку над коклюшками с кружевами. Про мои заслуги и безупречную многолетнюю службу ни слова, ни-ни. Да и вообще про все остальное тоже. Ни одного доброго слова или комплимента. Ни-когда. Я стараюсь не обижаться. Иногда получается. Я об этом помню всегда (это я про комплименты и добрые слова) и с радостью говорю невестке Анечке, какая она умница, как хорошо она выглядит, и хвалю ее стряпню. Бутерброды, например. А что, действительно красиво – сыр, сардинка, ветчина, веточка петрушки. Вполне себе натюрморт. И мне это доставляет радость. Честное слово. Хотя, признаться, в душе я все же надеюсь на взаимность и хорошую Анечкину память. Видимо, для меня это важно, а для моей свекрови – нет.

Время вспомнить о себе, и я вытаскиваю из холодильника крупную и слегка подвявшую клубничину. В зеркале в ванной я долго, внимательно и критично рассматриваю себя. Нда... Восторга никакого. Знаю только точно, что раньше бы-

ло лучше. В сорок пять обманули: обещали «ягодку опять», но что-то я не заметила. Хотя... Я смотрю на подмятую с боков, потускневшую клубничину и думаю о том, что в принципе и ягоды бывают разные и что имелось в виду наверняка что-нибудь подобное. Вздыхаю и мажу клубникой лицо. Маска. Говорят, полезно. О том, сколько в этой несезонной ягоде нитратов, я стараюсь не думать. Снова звонок. Смотрю на часы. Знаю точно – это Катюша. Это ее время.

– Ну как? – лапидарно спрашивает она. Здраваться у нее нет времени, она человек конкретный.

– Никак, – отвечаю я.

– Наташка звонила? – интересуется Катюша.

– Нет, я сама ее набрала. – Знаю, что сейчас меня осудят, но врать неохота.

– Ну и дура, – беззлобно отвечает Катюша.

– Я мать, – возражаю я.

– Ты дура мать, – уточняет Катюша.

– Может быть, – соглашаюсь я. – Но второе дороже. А потом, ее не переделаешь.

Вот с этим Катюша категорически не согласна. Она пытается переделать близких: мужа, свекровь, брата. И надо сказать, у нее это блестяще получается. Странно, что она не из династии Дуровых.

– А в остальном? – интересуется Катюша.

– У Анечки ягодичное предлежание. Андрей на валидоле, мама опять не спала, а свекровь порадовала рассказом

о чужой невестке, очень положительной, естественно, – конспективно отчитываюсь я.

– Ну а ты, ты работала? – нетерпеливо спрашивает Катюша.

– Угу, поработаешь тут с ними, – буркаю я.

– Сама виновата – посадила на шею, – обличает меня Катюша.

Это я и сама знаю, и что, мне от этого легче?

– Все, я бегу, – бросает Катюша.

– А у тебя-то что? – успеваю выкрикнуть я.

– Все о'кей, целую. – Отбой.

Ну хоть у кого-то о'кей, радуюсь я.

Теперь о Катюше. Она – из новых приобретений, такой вот подарок судьбы. Хотя что значит из «новых»? Лет семь прошло или даже восемь. С Катюшей мы познакомились в Турции, куда на неделю меня в одиночестве отправил муж – прийти в себя. У нас вообще-то это не принято, но, видимо, смотреть на замученную меня ему было уже не вмоготу. Наташка тогда уже начала вовсю выпендриваться, Кирилла в очередной раз выгоняли из института, что-то там было еще, уже не помню. Путевка была горячей, и отель оказался полное дерьмо. Соотечественники, понятное дело, возмущались по любому поводу и громче всех. Им не нравилось даже море – они орали, что оно грязное. Я что-то этого не заметила. Мне вообще все это было по фигу. Главное, что меня никто не доставал. Я могла часами лежать в шезлонге и смотреть

на море. Так я приходила в себя. Кроме меня, равнодушной к сервису и боям с администрацией оставалась еще девушка – худенькая блондинка в черном бикини, огромных черных очках и бейсболке. Когда она шла к морю, я, завидуя ее стройности, тяжело вздыхала: еще бы, молодая, не рожала, наверное. А потом, два изгоя, мы разговорились, она сняла очки, и я увидела, что она вовсе не так молода, а, скорее всего, только слегка моложе меня. А еще я узнала, что у Катюши трое детей. И богатый муж. Да и сама она – продюсер известной программы на ведущем канале. Ничего себе! Я уважаю успешных женщин, а уж теми, кто по ходу устройства карьеры не пренебрег детьми, я просто восхищаюсь. Искренне и от души.

Сначала мы посмеялись над скандальными соотечественниками, потом осудили безрассудных немок, подставляющих вислые и дряблые груди беспощадному турецкому солнцу. Потом Катюша остроумно рассказывала телевизионные сплетни и байки – спелись, короче. Ужинали мы уже вместе, с каждым часом радостно открывая друг друга, приходя к заключению, что мы абсолютно родственные души. А уж когда Катюша начала читать наизусть километрами Бродского и Цветаеву, я в нее влюбилась окончательно. Так из Турции я привезла не дубленку, а верного друга и единомышленника. Хотя, впрочем, во многом мы с Катюшей не совпали. Карьера для нее все же на первом месте. Но у нее, слава богу, сложилось все удачно – успешный и понимающий муж,

бабушки, няни, роскошный дом, желтая «БМВ», за рулем которой она смотрится как хрестоматийная новорусская жена – блондинка в «Армани» и «Прадо», типичный персонаж анекдотов. И не все знают, что за плечами – трое детей, западная филология МГУ, три языка в совершенстве и кресло босса в «Останкино».

Лицо здорово стянуло – подсохла клубника. Я иду в ванную и подставляю лицо под сильную струю воды. Мне кажется, что я стала свежее и розовее. Наверное, все же только кажется. Теперь, как я понимаю, у меня есть полное человеческое право сесть за стол и разложить свои бумажки. Но мне опять мешает звонок – опять муж, на сей раз бывший. На сегодняшний день его статус – друг семьи. Так нечасто, но бывает. Он делится со мной подробностями своей личной жизни и упоительно общается с моим вторым мужем, к которому, собственно, я от него когда-то и ушла. Это странно, ведь раньше они почти ненавидели друг друга. У первого были весомые причины ненавидеть второго: еще бы, ведь я смертельно влюбилась и ушла от него. А второй банально ревновал меня к прошлой жизни. Это нормально. Они даже не могли спокойно слышать имена друг друга. Но постепенно все как-то сгладилось, и они стали передавать друг другу приветы. Дальше – больше. Милое общение по телефону. На следующем этапе в чем-то помогли друг другу – один юрист, другой бизнесмен. Первый как-то сказал, что, в общем-то, понимает меня, и еще что-то про то, какой его последователь

классный мужик. И второй не задержался: «Я тебя не очень-то понимаю. Почему ты от него ушла? Он в принципе отличный парень». Что ж, им, наверное, виднее. Иногда, когда я слышу, как они воркуют по телефону – ну просто две горлицы, – мне кажется, не будь меня, они бы вообще слились в экстазе (в хорошем смысле, естественно). Я им явно мешаю. Контролирую ситуацию. Итак, бывший муж.

– У меня не клеится с Яной (Ириной, Татьяной, Жанной).

– Неудивительно, – вредничаю я. – У тебя же нет диплома о начальном педагогическом образовании.

Это я так остроумно намекаю на юный возраст его подруг.

– Всем нужно одно и то же, – нудит он, – лавэ, шуба, Сейшелы. А человеческое тепло, понимание, чашка горячего бульона, наконец?

Так, ясно, старые песни о главном.

– А приличную женщину найти не пробовал? – осведомляюсь я.

– Опыт оказался неудачным – она от меня сбежала, – бестактно напоминает он мне обо мне. – А потом, что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду нормальную зрелую женщину, лет тридцати пяти – сорока, пожившую, способную что-то оценить, – терпеливо объясняю я.

– С ума сошла? Это же уже старухи, – возмущается он.

Сволочь. Все-таки очень правильно, что я тогда от него ушла.

– Ну и мудохайся дальше. Каждый выбирает по себе, – многозначительно добавляю я.

Имея в виду, конечно, себя, прекрасную. Он ловит этот мячик и, притворно горестно вздыхая, говорит:

– Таких, как ты, больше нет. Что же мне теперь делать?

После этих слов я, естественно, смягчаюсь и начинаю давать умные советы. По крайней мере, мне кажется, что умные. Ему вроде бы тоже – он ведь вполне доволен. Бывший муж интересуется здоровьем своего преемника.

– Тебе интересно – сам позвони. Это же твой друг, – продолжаю острить я.

Потом он спрашивает, как дела у сына. Я его не грузю, знаю, что ему в принципе все равно. Главное, что сын здоров. Про Наташку он никогда ничего не спрашивает. Принципиально. То, что я ушла от него к другому мужику, с годами он смог пережить, а вот то, что я от этого мужика родила ребенка... Этого он пережить не может до сих пор. Смешно, ей-богу. Вид меня, беременной Наташкой, потряс его до основания. Помню его глаза тогда. Это странно, но факт.

Терпеливо объясняю бывшему мужу, как надо жить дальше. Кладу трубку и чувствую себя практически матерью Терезой. Потом вспоминаю, что надо заполнить квартирные счета. Наверное, все-таки со мной что-то не так. Что-то мне все время мешает. И больше всего то, что я не могу все это отодвинуть и наконец заняться своим главным делом. Или мне кажется, что это мое главное дело. Плохо то, что я в этом

сомневаюсь.

Я беру чистый лист и долго смотрю в окно. Пейзаж захватывает дух. Во-первых, семнадцатый этаж, во-вторых, под окном березовая роща. Сейчас она графичная, черно-белая – зима. Но бывает разной – и изумрудно-свежей, и радостно-золотой, и ржавой, и печальной. В зависимости от времени года. За границей, наверное, за этот вид брали бы отдельные деньги. А тут – почти бесплатно. Все включено в квартплату. Пытаюсь сосредоточиться. Но очередной телефонный звонок сообщает мне: эй, спустись на землю! В покое мы тебя вряд ли оставим!

Я спускаюсь, не очень-то успев подняться. Мама. Соскучилась.

– Работаешь? – осторожно интересуется она.

– Поработаешь с вами! – рычу я.

Мама слегка обижается, но виду не подает. Ну ладно, пока я еще на земле, вспоминаю о том, что надо позвонить Анечке и успокоить ее. Анечка мне рада – ну, так, во всяком случае, мне кажется. Я что-то плету про генетику, про то, как все было у меня и как мой благоразумный сынок пожалел меня и повернулся перед родами головкой. Анечка внимательно слушает и, по-моему, веселеет. Что и требовалось доказать. Потом я спрашиваю, чего бы ей хотелось съесть, и она жалобно говорит, что хочет куриных котлет и клюквенного киселя. Желание беременной женщины – закон. Я чмокаю ее в трубку и достаю из морозилки куриное филе и клюкву. Ка-

кая же я все-таки запасливая, радуюсь я. Ну вот, пока это все подтаает, я могу и... Как же! Разбежалась! Муж. На сей раз – действующий. Голос – патока. Ясно. Хочет жрать. И уже на подъезде к дому.

– Ну? – грозно спрашиваю я.

– Как дела, малыш?

Так, «малыш». Видно, жрать хочет очень.

– Плохо! – рывкаю я.

– Соскучилась? – Голос-интим. Как после третьего свидания, а не двадцати пяти лет совместной жизни. Черт возьми, а меня это по-прежнему волнует. Я уже почти не злюсь. Понимаю, что после такого стажа семейной жизни дела у нас не так уж плохи.

– Готов к принятию пищи? – со вздохом интересуюсь я.

– Уже у подъезда, – доверительно сообщает он. И дальше уже повелительным тоном: – Грей обед.

Властелин, блин! А кто тогда я? Я собираю свои сиротские листки и освобождаю стол. Естественно, обеденный. Другого у меня еще нет. Не по ранжиру, наверное. Я ставлю на стол винегрет, селедку и квашеную капусту с клюквой и антоновскими яблоками. Остаюсь вполне довольна натюрмортом. Все-таки обычные житейские вещи радуют меня не меньше творческих успехов. Наверное, жаль, что я не тщеславна. Грею борщ и наливаю холодный компот из мороженой вишни. Пока муж моет руки, мне звонит Аля. Аля – тоже из новых и приятных приобретений. Подружились мы с

ней, гуляя с собаками. Наши вечерние прогулки – ритуал, приятный для нас обоих. С Алей мы обсуждаем политические новости, ругаем дурацкие сериалы (а сами их же и смотрим), возмущаемся по поводу бешеных цен, критикуем детей и мужей – так, слегка. Аля умная – не говорит ничего лишнего, только то, что я хочу услышать. Идеальный собеседник. И еще она – красавица: тонкая, изящная блондинка с зелеными глазами. Она так же грациозна и хрупка, как и ее собака – красавица афганская борзая. Говорят, что собаки похожи на своих хозяев – это точно про Алю. У меня, кстати, чау-чау. Почувствуйте разницу. А заодно и сделайте выводы. Еще мы с Алей слегка тоскуем по прошлой жизни, но это уже похоже на старческое брюзжание. Хотя... Я – за перемены. Но такие перемены мне тоже не по душе. Слишком много «но». С Алей мы быстро сворачиваемся – начинается священнодействие: кормление мужа. Мои ритуальные танцы вокруг плиты и стола. Муж ест и помалкивает. Вообще кормить его неинтересно – никакой душевной отдачи.

– Как суп? – подобострастно спрашиваю я.

– Горячий, – отвечает муж.

– А компот?

– Холодный.

Что ж, коротко и более чем ясно. Ей-богу, краткость – сестра хамства. Сколько лет я это слышу, а все равно обидно. Это у него, наверное, от его матери и дочери Наташки – воспринимать все как должное. Хотя, по большому счету,

он мной очень гордится. Катюша говорит, что я сама виновата – totally избаловала всех, вот и получи. Вот и получаю. Мне обидно – столько потрачено времени и труда. Я человек благодарный и хочу благодарности от других. Наверное, это неправильно. В итоге же все равно, если задуматься, все делаешь для себя. Ну, в смысле, что тебе так спокойнее и комфортнее. И все же простое человеческое спасибо еще никто не отменял. Я не обедаю вместе с мужем, знаю, что потом захочется спать – ночью я явно недобра. Удивляюсь и завидую некоторым. Проснулись в шесть утра – и сразу писать. А я заснула в четыре. Если проснусь в шесть, то как минимум всех пошлю, а как максимум – поубиваю. Поэтому я и не обедаю, а варю себе крепкий кофе с корицей и кардамоном и опять замираю у окна. Ловлю мысль. Только поймала – пришлось отпустить, потому что позвонила Юлька, а это важнее работы. Юлька – это подруга, почти сестра. Мы вплетены друг в друга, как стебли выюна. Если бы в быту уже существовала видеосвязь, то мы могли бы не общаться вербально, а просто смотреть друг другу в глаза. Как марсиане в старых советских фильмах. Но видеосвязи пока у нас нет, и мы с упоением говорим на родном языке. Можем час, а можем и два. Три, правда, не пробовали. Хотя, нет, наверное, бывало и три – в пору моего сумасшедшего романа с будущим вторым мужем. Тогда я мучила не только себя, но и Юльку вполне основательно. Мало не покажется. Но Юлька выдержала и это испытание. Как все и всегда – с честью.

Ни разу меня не послав. Тогда она забросила и сына, и мужа, не говоря уже про кастрюли. Часами слушала мои рыдания, абсолютно наплевав на свою семейную жизнь. Слава богу, они не развелись и даже, утверждает Юлька, как тогда, у них с мужем не было давно — я простимулировала их скучную семейную интимную жизнь.

С Юлькой нам никогда не бывает скучно. Она жутко воспитанная и все время спрашивает, не мешает ли творческому процессу. Конечно же, нет, тем более что этот процесс еще и не начинался. Юлька знает обо мне все, и даже больше, чем все. Мы жалуемся друг другу на плохую погоду и, как следствие, на самочувствие (при этом смолим, не переставая), перечисляем претензии к мужьям и детям, смеемся над перлами свекровей (хотя и сами уже свекрови, и, наверное, неидеальные), вспоминаем себя молодых и здоровых и высказываем свое неудовольствие по поводу себя нынешних. В итоге мы приходим к выводу, что мы еще вполне молодухи и красавицы, обещаем друг другу не жрать по ночам и меньше курить, хотя вряд ли это выполним. Но на душе становится легче.

С Юлькой мы дружим с шестого класса — с тех пор, как я перешла в новую школу. Сначала она мне показалась очень надменной и высокомерной, и еще меня возмутили ее черные, как смоль, густо накрашенные ресницы. Впоследствии оказалось, что ресницы натуральные, просто сказочно густые и черные от природы, а Юлька не воображала, а сдер-

жанная и одинокая. Дружить мы начали сразу и взапой – гуляли вечерами вокруг школы, поедая из картонной коробки мороженые болгарские персики. Влюблялись, прогуливали школу, обе одинаково ни черта не соображали в точных науках и вместе обожали литературу и английский. Далее росли, выросли, закалялись в жизненной борьбе, выходили замуж, рожали детей, разводились и влюблялись опять. Хорошили близких. И всегда оставались родными людьми, даже когда стали совсем редко видеться.

Юлька уехала жить на природу. Там завела трех собак, развела сказочный цветник и стала писать дивные прозрачные акварели. Наша дружба с годами стала только прочнее, и знаю точно – ей уже ничто не грозит. Да, еще у Юльки есть удивительная и редкая способность абсолютно искренне радоваться чужим удаче и успеху. Не все так умеют. Сочувствовать проще: во-первых, когда сочувствуешь, ощущаешь себя благородным человеком, а во-вторых, собственные печали и заботы как-то меркнут и отступают. Становится легче.

Все, свернулись и с Юлькой. Совесть уже не мучит, а просто грызет. И еще ужасно хочется спать. Зеваю. Собрать мысли как-то сложновато. Нет, все-таки по первому своему призванию я точно домохозяйка. С этими утешительными мыслями брякаюсь на диван. Стыдно, но очень сладко. Закрываю глаза.

Полчаса, успокаиваю я свою совесть. Всего полчаса. Все

равно после двенадцати, когда наконец все уgomонятся и оставят меня в покое, начну колобродить. А сколько я успею сделать! Часов до трех-четырёх утра. Это – мое время. Время, когда на другом конце Москвы уснет мой встревоженный и ответственный сын, обняв любимую беременную жену, заснет и моя неблагодарная красавица дочь на широкой груди любимого (дай бог!) мужчины, а завтра, может быть, все-таки вспомнит обо мне. Часам к двум успокоится мама, обязательно приняв снотворное, повздыхав о каждом из нас. За стеной будет мирно похрапывать самый любимый и единственный муж на свете. И я сяду и, наверное, что-нибудь напишу. И кто-то прочтет это когда-нибудь. И если не с удовольствием и интересом, то хотя бы – надеюсь – без отвращения. И ночью мне опять захочется съесть горбушку черного хлеба с куском колбасы. И дай бог, чтобы захотелось! И я опять засну, когда будет светать. И сон мой будет беспокойный и тревожный – ну, это уж как водится, потому, что я буду думать о своих близких, которых я так люблю. И дай бог, чтобы они, все вышеперечисленные, мне опять позволили завтра, даже если расстроят меня. И пусть жалуются на жизнь и здоровье. И просят что-нибудь сварить или спечь. Это будет означать только одно: я им нужна и они меня любят. И еще то, что я жива и жизнь продолжается. Такая сложная, извилистая, жесткая, но все же восхитительная жизнь. И я в который раз пойму, что в моей жизни первично. И это не расстроит меня, а, скорее всего, обрадует. В общем, все

как обычно.

Мои университеты

Моя первая свекровь, Регина Борисовна, была из актрис. Точнее – из бывших актрис. Еще точнее – из бывших актрис Театра оперетты. Тяжелый, густой и страшный замес кровей: польской, литовской и грузинской – давал о себе знать, играя затейливыми гранями. Безусловная красавица – тогда ей было лет пятьдесят, и мне она казалась красавицей бывшей, – к быту она относилась пренебрежительно. Женщины, варящие борщ, вызывали у нее презрение, брезгливость и жалость. В ней замечательно уживался грузинский темперамент, литовское спокойствие и польская расчетливость – в зависимости от ситуации.

Была Регина Борисовна высока, стройна, кареглаза и темноволоса. Естественно, мужчин в ее жизни имелось множество, и все они отличались внушительностью и значительностью – и внешне, и по положению. В общем, под стать ей самой. Все были небедны и оставляли после себя неплохую память. Свекровь с удовольствием демонстрировала знаки любви и внимания, преподнесенные ими в период их отношений.

Ее единственный сын Герман стал моим первым мужем. К сыну Регина Борисовна относилась с легким пренебрежением – уж точно не материнство она считала главным увлечением своей жизни.

Сын Герман тоже был красавец. И бездельник. И непризнанный гений – так считал он, но еще сильнее уверена в этом была я. И верила, свято верила в его счастливую звезду. Был он художником. Работать не любил, хотя, наверное, талант у него имелся. Зато любил пить, гулять и веселиться – словом, тусоваться.

Пожились мы странно и скоропалительно. Оба сильно удивились полному взаимопониманию и совпадению в интимной сфере – в молодости казалось, что это важнее всего. И верили, что на этом можно построить брак. Но что мы понимали тогда? Два двадцатилетних избалованных ребенка, которым никто не объяснил, что такое семейная жизнь. Да и стали бы мы кого-нибудь слушать тогда? Вряд ли. Влюбленные до обморока и измученные бессонными ночами, мы неумело начали строить свою семью. Вернее, это начала делать я одна. Гера в этом участия не принимал. Собственно, его жизнь фактически не изменилась. Он остался в собственной квартире, так же вставал в двенадцать дня, долго пил кофе, курил, вяло перебрехивался с мамашей и уходил в свою жизнь. Или снова ложился спать. Собственно, вариантов было два.

Я пыталась как-то прибраться, что-то приготовить и бежала в институт. Через некоторое время обнаружила, что беременна. Регина Борисовна уговаривала меня сделать аборт. Она не была злодейкой, нет, она в этом была абсолютно искренна.

– Господи! – заводила она очи к небу. – Какие дети! Вам самим еще надо жопы вытирать! С ума сошли! Один – бездельник, другая – студентка. Чистой воды безумие! – Она выпускала тонкую струю дыма, а я бежала в туалет. Блевать.

Когда родилась дочка, Герман удивился. Потом он продолжал удивляться дальше. С удвоенной силой. Дочка просила есть, с ней надо было гулять, мыть ей попу и купать ее в ванночке с чередой, в воде определенной температуры, а еще – кипятить бутылочки, бегать на молочную кухню и стирать пеленки. Он стоял над ее кроваткой, и на его лице читалось выражение священного ужаса. Конечно, мы начали ругаться. Это теперь я понимаю, что было смешно требовать от такого человека ответственности. В двадцать лет. Правда, сейчас ему пятьдесят, и он остался таким же, как в юности. Трудности его пугают, проблемы выводят из себя, заботы настораживают.

Но тогда я, замученная, тощая и бледная, пыталась приобщить его к процессу. Свекровь пожалела меня (или нас?) – отнесла в антикварный браслет и наняла няню. Мне стало чуть легче, но на отношения с мужем это благотворно не повлияло. Бурная интимная жизнь, так привлекавшая нас, отпала сама собой, как болячка, – была и нет. Без следа. А больше ничего, как оказалось, нас не связывало. Не считая дочки. Герман пропадал где-то с утра до поздней ночи. Няня помогала с ребенком, а свекровь учила меня жить.

– Посмотри на себя. – Регина Борисовна брала меня за

плечо и подводи́ла к старинному мутноватому зеркалу в тяжелой золоченой раме. – Даже такой дурак, как Герман, от тебя сбежал.

Видимо, она была права. Я была похожа на призрак замка Морисвиль. Бледная, зачуханная, с хвостом на затылке, в старом, выцветшем халате. Зрелище не для слабонервных. Рядом со мной в зеркале отражалась прекрасная стройная дама с прической, макияжем и маникюром. В фиолетовом пеньюаре и с кольцами на пальцах. Несмотря на мой юный возраст, счет был явно не в мою пользу.

– Что вы хотите? – возмущалась я. – У меня грудной ребенок, сессия, уборка, обед, магазины!

– Наплевать, – отрезала свекровь, – пока ты не полюбишь себя, тебя не полюбит никто. Бог с ним, с Геркой. Он тебе не нужен. Но ты должна сделать себя и свою жизнь.

Свекровь вызвала на дом свою маникюршу, отвела меня на Калининский в «Чародейку», у своей подружки – спекулянтки Марго – купила мне французское платье-чехол, лодочки на шпильке, белый плащ и красные лаковые сапоги. Дома она вытащила из шкафа шелковый халат лимонного цвета. Мои старые клетчатые тапки, ковбойки и джинсы полетели в помойку. Свекровь предложила мне быть красавицей, только получалось у меня плоховато. Дочка срыгивала на шелковый халат, белый плащ в автобусе автоматически превращался в серый за два дня, лаковые сапоги не выдерживали глубину луж у метро и мгновенно промокали, а ма-

никюр испарился на второй день – я стирала ползунки и пленки. Но все-таки я старалась. И даже если у меня все пока получалось неважно, выводы сделать ума хватало.

Дочку Марину свекровь полюбила – ну, так, как умела. Называла она ее Маритой. Так к ней и приклеилось – она и до сегодняшнего дня для всех близких и друзей Марита. Нянчить внучку Регина Борисовна не помогала, да я и не обижалась. Свекровь объясняла, что младенцы ей непонятны и неинтересны. А вот подрастет – она ее всему научит!

«Всему, пожалуй, не стоит», – возражала я про себя.

Поучала, кстати, она ее со страстью. Моя дочь оказалась способнее меня – бабкины гены.

От Германа я ушла, когда дочке было три года. Думаю, он это даже не очень-то и заметил. Хотя, нет, наверное, в квартире все же стало тише. Он продолжал жить своей веселой жизнью. Мы с ним остались друзьями. Женился он, по-моему, еще раз пять. Последний раз вполне удачно – на француженке, старше его лет на пятнадцать. Она и вывезла его во Францию и даже продала какие-то его работы. Моя дочь съездила к отцу в Париж, он подарил ей свою картину, мы посмеялись и повесили картину на даче. Его жена Сесиль отдала Марите свою старую сумку от «Гермес» – в ней мы хранили документы и бумаги. Также Марите перепала старая норковая шуба, доставшаяся Сесиль от богемной матушки. Шуба эта повидала на свете многое, местами она была вытерта до кожи, да и та кожа была отполирована временем до

блеска. Словом, раритет и антиквариат – единственный в нашем с Маритой доме. Из спинки многострадального манто мы вырезали наиболее сохранный кусок, и из него получил-ся чудный коврик для нашего кота Бенвенутто.

Свекровь дожила до глубокой старости.

Марите ничего не досталось из сокровищ Регины Борисовны – та все с блеском проела: до конца жизни держала домработницу, принимала косметичку, парикмахера и маникюршу. К утреннему кофе любила рокфор, к обеду – парную телятину, а к ужину – парочку эклеров из кулинарии ресторана «Прага». Перед смертью она надела на Мариту свой крестильный серебряный крестик – сказала, что это будет ее оберег. Марита крестиком очень дорожит и считает его семейной реликвией.

Квартиру на Малой Бронной – три комнаты, окно-фонарь, ванная с окном – Регина завещала своему непутевому сыну, чем очень поправила его материальное положение и украсила жизнь.

Марита выросла отъявленной сибариткой, но ей это не мешает. От ее папаши и его придурочной французской жены тоже оказался толк: у них в гостях Марита познакомилась с французским графом, правда, изрядно обедневшим. Они поженились и поселились в предместье Парижа в собственном замке. Замок, правда, одно название – крыша течет, трубы лопаются, котлы взрываются, но это не мешает им ощущать себя небожителями и получать удовольствие от жизни.

Я у них пару раз гостила – в комнатах пахнет затхлостью, белье ветхое и влажное, семейное серебро тусклое и разрозненное, прислуга неопрятная, парк заброшенный (садовника содержать слишком дорого). Но у Мариты вечерние платья, остатки семейных украшений и выезды в общество (средней руки богема – захудалые актеры и неудавшиеся художники). В общем, жизнью она вполне довольна. «Вот бы Регина Борисовна за нее порадовалась», – часто думаю я, глядя на Мариту. На свою бабуку она здорово похожа.

Но и для меня уроки Регины Борисовны не прошли бесследно. Немного придя в себя и встав на ноги, я все-таки постаралась научиться хотя бы немного себя любить. Получалось это неважно, но парикмахер, маникюрша и массажистка стали в моем доме своими людьми. Утром я не забывала накрасить губы и надеть шелковый халат. Словом, этот опыт тоже не совсем прошел мимо. Я убедилась, что на ухоженную женщину приятнее смотреть и мужу, и ребенку, не говоря уже о коллегах. Словом, низкий Регине Борисовне поклон и добрая память.

Моя вторая свекровь была женщиной с карьерой. В партию она вступила в двадцать пять лет, будучи обычным участковым врачом в районной поликлинике. Строгая, ответственная и исполнительная, она стала быстро подниматься по служебной лестнице. Зав отделением, зав главного врача и, наконец, чиновник в министерстве. Муж, пьющий, ничемный и мелкий неудачник, от нее сбежал, и сына она рас-

тила одна. Каждый вечер проверяла дневник, просматривала портфель. С десяти лет он убирал квартиру, стирал свои носки и трусы и чистил картошку к ужину. Школу окончил с золотой медалью и поступил в университет. Мать он уважал, по-моему, побаивался и уж точно с ней считался. Женщина она была сухая, даже холодная, немногословная, но дочку мою приняла хорошо. Правда, попросила называть ее не бабушкой, а по имени-отчеству – Надеждой Васильевной.

На субботу и воскресенье она вручала нам список дел – прачечная, магазин, рынок, музей с дочкой, зоопарк. Вечером требовала отчета о проделанной работе. Мы хихикали и врали ей понемножку. Она в чем-то была наивна и наших хитростей не замечала. В наши отношения с мужем, правда, не лезла никогда.

Была Надежда Васильевна совсем некрасива, не пользовалась косметикой, регулярно делала химическую завивку и носила очки в тяжелой оправе. Нарядов у нее было немного: три деловых костюма – черный и синий на зиму, песочный на лето – и несколько блузок под эти самые костюмы. Обувь предпочитала удобную, темную, на низком, устойчивом каблуке. В сорок пять сшила себе в закрытом ателье каракулевую черную шубу. Говорила, шуба эта такая тяжелая, что ей кажется, будто она несет на спине раненого бойца. Ходила она в этой шубе лет двадцать, хотя зарабатывала вполне прилично и могла себе позволить что-то полегче и поэлегантнее. В еде была неприхотлива – картошка, селедка. Любимые пи-

сатели – Салтыков-Щедрин и Островский. Однажды я увидела, что она плачет над индийским фильмом. Это меня потрясло.

От второго брака у меня родился сын Антошка. Свекровь, уставшая, после работы, садилась рядом с ним и читала ему книги о пионерах-героях, а меж тем к власти пришел Горбачев, страна потихоньку меняла курс. Муж пытался свою мать остановить, но она была непреклонна. Говорила, что такие человеческие ценности, как честность, отвага, дружба и любовь к Родине, не девальвируются. Потом, правда, поняла, что ошибалась, и это стало для нее ударом. Но случилось это много позже, а пока она мне пыталась объяснить, что надо быть личностью и самостоятельной единицей. Что ни в коем случае нельзя проживать жизнь за спиной мужа, пусть самого лучшего. Что надо вставать на ноги и делать карьеру, и тогда ты будешь нужна и окружающим, и, главное, самой себе. Это она, Надежда Васильевна, в чем-то косная, а в чем-то очень даже прозорливая, заставила меня в начале перестройки окончить бухгалтерские курсы, курсы менеджмента и английского языка. Наверное, у нее было какое-то внутреннее чутье. Я с неохотой все это исполнила. Господи, сколько раз я говорила ей потом спасибо! И вслух, и, позже, мысленно – когда перестала с ней видеться. Я имею в виду те времена, когда она ушла в монастырь. Да-да, непостижимо, но факт. В перестройку она, естественно, растерялась – растеряешься тут. Распался Союз, врагами и злодеями были

названы кумиры ее жизни. Помню, как она читала перестро-
ечный «Огонек» и горько рыдала, почти выла. Из министер-
ства ее выперли – неуважительно, грубо, в один день, указав
на дверь. Мела новая метла, свекровь оказалась не у дел. Она
было вернулась в поликлинику участковым врачом, но быст-
ро оттуда ушла, честно признав, что за это время перестала
быть врачом, а как администратор не востребована. Куда
ей было податься? Ни шить, ни вязать, ни готовить она не
умела, внуки в ней уже не особенно нуждались. Сдала, по-
старела, стала много читать. Однажды пошла в церковь. По-
том стала ходить все чаще. Там обрела первых в своей жиз-
ни подруг и душевное равновесие. Стала истовой прихожан-
кой, обихаживала больных, слабых, несчастных. Ее кипучая
натура снова нашла применение. И тут Надежда Васильев-
на серьезно заболела, но от предложенной операции отказа-
лась. Молилась, молилась, ездила по монастырям. И – чудо
– выздоровела. И спустя полгода ушла в монастырь под Ар-
хангельском. По-моему, была совершенно счастлива. Слава
богу! С ее сыном, вторым мужем, я, кстати, вскоре развелась.
Мы не ругались, не изменяли друг другу – просто он не су-
мел вписаться в новую жизнь. Институт, где он работал, по-
чти развалился – комнаты стали сдавать под коммерческие
палатки и склады. Ничем другим он заниматься не мог или
не хотел. Клял новую жизнь, брюзжал с утра до вечера и ни-
чего не делал. Как следствие – начал попивать, отец-то его
был алкоголиком.

В общем, в нашей семье наступил полный крах, к тому же у меня дела пошли резко в гору. Тогда наступило такое время – разбогатеть было легко. Я начала возить из Эмиратов дешевое золото – фольгу, как я его называла. Открыла один магазин, потом другой. Дальше – больше. Конечно, с этим муж уж точно не смог смириться. Называл меня торгашкой и хабалкой, жуя при этом бутерброд с испанским хамоном.

А я влюбилась. Но об этом чуть позже.

Моя вторая свекровь научила меня ценить в себе человека, личность, самостоятельную единицу. Вести бизнес мне оказалось совсем нетрудно, хотя, конечно, всякое было – вспоминать не хочется. Но я выстояла, и теперь я – обеспеченная женщина, удачливый коммерсант, зависящий только от самой себя (и еще, правда, от катаклизмов, происходящих в нашей стране, – тьфу-тьфу, не приведи господи!). И все-таки, я думаю, не дай бог что – я выстою. Закалка у меня – будь здоров. В общем, спасибо моей второй свекрови и низкий поклон. Пусть будет спокойна ее душа. Сын ее, кстати, тоже не пропал. Продал материну шикарную квартиру на Шаболовке – кирпич, три комнаты, консьерж в подъезде еще с советских времен. Купил себе однушку в спальном районе – больше ему и не надо – и вторую квартиру, двушку в центре, на Маяковке. Ее он сдает за сумасшедшие деньги и живет не тужит. Наш сын Антошка получает образование в Англии – что я, пожалею денег для родного сына? Там, кстати, решил и остаться. Москва ему категорически не нравится. Ду-

маю, это правильный выбор. Это уж мне разбираться со всеми проблемами, а дети пусть живут в старой доброй Европе.

Теперь по тому пункту, что был выше. В смысле, по поводу того, что я тогда влюбилась. Когда женщина впервые влюбляется в сорок лет – это смерч, торнадо, тайфун, ураган – стихия! За эти слова я отвечаю. Первый мой брак был незрелым, дурацким. Первый муж меня, восемнадцатилетнюю соплю, сильно потряс красотой, утонченностью (как мне казалось), талантом (как, опять же, казалось) и полным безразличием к реалиям жизни. Чем все это кончилось – известно. Во втором браке я хотела обрести устойчивость, надежность, спокойствие – крепкий тыл. Второй муж всем этим моим потребностям идеально отвечал: верный, заботливый и страшно положительный. Но перемен и трудностей он не перенес. Еще важно то, что он не смог пережить мой успех – или слабак, или мало любил. А скорее всего – и то, и другое. Бог ему судья.

Так вот, в свои сорок я, еще молодая (будьте доброжелательны), успешная, ухоженная женщина, влюбилась – в первый раз в жизни всерьез. До этого, видимо, было некогда – то дети, то учеба, то мужья, то бизнес. Влюбилась до обморока, до кишечных колик (правда-правда, даже вызывали «Скорую» – сказали, что это нервное). Но опять, увы, в объект недостойный. Поняла я это, честно говоря, сразу, хоть и пыталась кривить душой – перед самой собой. Но так, видимо, часто бывает с красивыми и успешными женщинами – в

смысле, объект выбирают недостойный. Мой возлюбленный был артистом эстрады. По-старому – конференсье, по-новому – ведущий корпоратива. С чем-чем, а с разговорным жанром у него было точно все в порядке. Языком молоть – не мешки ворочать. Но я попалась, как подросток в пубертате.

Познакомились мы с ним на корпоративе. Он его, собственно, и вел – ярко и самозабвенно. Деньги зарабатывал – это да, но тут же быстро и легко делал им ручкой. Кабаки, гулянки, друзья. Был хорош собой – высок, ладен, синеглаз. Изысканно носил костюмы и курил сигары. В общем, я пропала. Но если я пропала в переносном смысле, то он – в прямом. Три дня у меня – нежится, мурлычет, цветочки поливает. Я ему – кофе в постель, гренки с малиновым джемом. А он отлежится – и в бега. Неделями отсутствовал, мобильный – вне зоны доступа. Я превратилась в законченную неврастеничку, даже в кардиограмме нашли изменения.

Но у него была замечательная мама. Звали ее Светлана Осиповна. Больше всего на свете Светлана Осиповна любила продукты. На рынке она самозабвенно ходила часами по рядам – брала в руки помидор, огурец, жала, изучала, гладила, нюхала зелень, мяла мясо, пробовала творог и подсолнечное масло. Продавцы не раздражались – видели в ней профессионала. Уважали. А придя домой, Светлана Осиповна начинала священнодействовать – принималась за обед. Первое могло быть одно, но вторых блюд – точно два: мясное и рыбное, кому что захочется. Борщ только на мозговой косточ-

ке, компот только из свежей вишни, пироги не на два дня, а на день, например чесночные пампушки к обеду. К вечеру блинчики, сырники, гречневая каша с грибами и жареным луком. Ей, например, ничего не стоило испечь к утреннему кофе ватрушки. Словом, легких путей она не искала. Подай она яичницу с сосисками, к примеру, на ужин, ее мужчины – муж и сын – восприняли бы это как оскорбление. Да она и не пыталась. Кроме того, в доме у нее была идеальная, непостижимая чистота – как в операционной. Она даже гладила мужские носки и складывала их по цвету – справа светлые, слева темные. Предложить мужу или сыну надеть дважды одну рубашку? Господь с вами! Словом, она была хлопотунья. И еще женщина честная. В начале нашего знакомства она посадила меня на кухне напротив себя, подперла лицо ладонью, посмотрела грустно, тяжело вздохнула и сказала, что ей меня искренне жаль.

– Ну зачем он тебе? Ты еще молодая, красивая, богатая. Тебе мужика надо серьезного, стабильного. А мой Илюша? Такие никогда не остепенятся.

Но я хотела заполучить его всего и безраздельно. Жаждала тотального владения собственностью – я же давно в бизнесе.

– Люблю, – сказала я твердо.

– Ну, если так, – уважительно вздохнула она, – смотри, девочка, я тебя предупредила. И еще – учись.

Я удивилась. Мне казалось, что учиться мне нечему. Я и

так вполне удалась, но Светлана Осиповна со мной не соглашалась.

– Илюша привык ко всему этому. – Она обвела руками свое хозяйство. – Избалован до предела. Хочешь его получить – тебе надо хотя бы приблизиться ко мне, – тихо сказала она, смущаясь и опуская глаза.

– Ну, знаете, это невозможно, – вполне искренне возразила я. – У вас талант, а тут, знаете, учись не учись. Щи, в конце концов, я сварить сумею.

– Какой талант? – удивилась она. – Я выходила замуж – только яичницу и умела делать. Это все терпение и любовь к близким. Ведь кто-то говорил про любовь? – ехидно поинтересовалась она.

– Знаете, мне проще держать повара и домработницу, у самой времени на это не хватит.

– Нет и еще раз нет, – жестко возразила Светлана Осиповна. – Только ты сама и твои руки. Иначе все это не имеет смысла, иначе это просто не оценят.

– А ваши, ну, они ценят? – осторожно поинтересовалась я. Светлана Осиповна надолго замолчала – видимо, этот вопрос застал ее врасплох, – потом неуверенно сказала:

– Ну, я, по крайней мере, на это надеюсь.

И начался мой ликбез. Я была настроена очень серьезно. Бизнес побоку. В конце концов, для чего я держу толковых менеджеров и плачу им неплохие деньги? На карту поставлена моя жизнь: Илюшу я должна получить в качестве мужа,

и здесь все средства хороши. Я была готова на все.

Я училась печь пироги, взбивать паштеты, солить рыбу, мариновать огурцы. Блины у меня получались кружевные, огурцы хрустящие, паштеты воздушные, пироги пышные – минимум теста, максимум начинки.

– У Илюши язва, – напоминала свекровь. – Питаться в ресторанах ему заказано.

Встав в семь утра, перед работой я делала сырники с изюмом в сметанной подливке, варила борщ – третий бульон, два предыдущих слить, свеклу тушить с сахаром и лимонным соком (обязательно корешок петрушки и сельдерея). Лепила пельмени на ужин (говядина, свинина, желательного немного баранины). Закатывала компоты из груш и персиков – фрукты спелые, но мелкие, чтобы плоды были целиком. Варила варенье из абрикосов (косточки вынуть, разбить, вытащить ядрышко и засунуть его обратно в абрикос). Кипятить три-четыре раза по пять-семь минут, чтобы абрикосы не распались. Уф! Все это было непросто, но я всегда была способной девочкой.

– Мужа надо холить и лелеять, – настаивала свекровь. – А как ему передать свою любовь? Только заботой и еще раз заботой! Через твои руки.

Она слегка забывала, что я еще и зарабатывала деньги. В основном – я. Илюша, конечно, тоже. Но он так любил хорошие костюмы и обувь. И еще запонки, заколки для галстуков (ему нравились почему-то именно от «Дюпон»), одеко-

лоны на заказ, мягкие кашемировые пальто. Нет, правда, они ему действительно шли! В общем, свои деньги он тратил на свои же шпильки. Но я все равно была счастлива. Счастлива, когда бегала по рынку, счастлива, когда стояла у плиты (по четыре часа, господи!). Счастлива, когда ставила перед ним на белой салфетке дымящуюся тарелку солянки (оливки, каперсы – обязательно, почки – вымочить три дня, язык, телятина, никаких сосисок!). И Илюша был счастлив. Из теплых и заботливых рук своей матери он плавно перетек в заботливые мои, по-моему, особенно не заметив перемен. Да как-то перемены его особенно не коснулись. Он по-прежнему ходил два раза в неделю в баню, три раза в неделю в спортклуб, плюс бассейн – действительно, за таким красивым телом надо обязательно следить, нельзя пускать дело на самотек, жалко, если пропадет такая красота. В субботу, правда, если не было работы, играл с друзьями в бридж. В воскресенье любил заглянуть в казино. В январе ездил в Австрию – кататься на лыжах. Не думайте, я с ним тоже, если могла вырваться с работы. В сентябре летал на Ибицу или Корфу – так хочется теплого моря, малыш! Конечно. Конечно, хочется. Вполне нормальное человеческое желание. При этом он был нежен, ласков, обходителен. Привозил мне подарки из дьюти-фри – швейцарский шоколад «Таблерон», мандариновый ликер. Правда, все это есть в соседнем «Перекрестке». Но главное – внимание!

А спустя четыре года Илюша меня бросил. Все было ба-

нально до смешного (хотя мне было совсем не смешно). Ушел он к двадцатилетней ссыкухе с ногами в полтора метра, силиконовыми сиськами четвертого размера и накачанными губами. Из тех приезжих девочек, что трутся на корпоративах, томно потягивая коктейль и прижимая к груди сумочки от «Луи Вьюитона» (фальшивые, конечно). Девочке, конечно, не сильно повезло – рассчитывала небось на олигарха или депутата, но те уже поумнели, прошли времена, когда они западали на такую фактуру. Теперь им хотелось умную, зрелую, образованную и верную. Правда, ноги и сиськи при этом не отменялись. А мой бедный, неискушенный Илюшка попал как кура в ошип. Сбежал, наплевав на пироги и мое устойчивое материальное положение, на мою зрелость, верность, образованность. Ну, влюбился человек! Несчастный случай!

Я, конечно, страдала, сходила с ума, похудела на семь килограммов (это, правда, несомненный плюс). Но главное – была страшная обида. Я ведь так старалась! А он не оценил.

– Не тот объект, – сказала мне моя умная подруга. В смысле, что не оценил. Думаю, нахлебается он с этой Мальвиной по полной. Хотя, может, и мужиком наконец станет. Пора же когда-нибудь за что-то отвечать. Со свекровью я, кстати, сохранила вполне пристойные отношения. Мне даже было ее жалко – ведь пока Илюша был со мной, ее душа была спокойна. Она так и говорила – эти четыре года я спала без сновидных. А потом, она же меня честно предупреждала! Ну

какие могут быть обиды! А сколькому она меня научила! Никто лучше меня не умеет отпаривать брючные стрелки, гладить рубашки, варить обеды. Спасибо ей и низкий поклон! Любой опыт в жизни неоценим.

И вот Маритка в Париже со своим придурочным бароном или графом в замке со штопаными пыльными портьерами, Антошка в Лондоне, делает успехи – о-го-го! – а я одна. С макияжем, маникюром, педикюром, прической (цвет – пепельный блондин). В холодильнике – собственноручно испеченный торт «Черный лес». Ни для кого – просто, когда тошно, хочется чего-нибудь сладенького. Там же стоят щавелевый суп и купаты – не потому, что хочется, а просто так, по привычке. У меня прекрасно идет бизнес (тьфу-тьфу, не сглазить!). Ну и что, что мне под полтинник? Я выгляжу точно на десять лет моложе, и это не мое самоуверенное утверждение, так говорят окружающие.

Итак, я стройна, ухоженна, успешна в бизнесе, прекрасная хозяйка. За эти годы из мелких разноцветных осколков сложился вполне достойный мозаичный узор – помните, как в детском калейдоскопе, в том, что с картонной трубочкой? Я состоявшийся человек. У меня прекрасные дети, замечательные друзья. Чудные отношения со всеми бывшими свекровьями. Это ведь тоже о чем-то говорит, а? Я отзывчива, не глуха душевно, не завистлива и готова к компромиссам.

Но вижу перед собой, просто отчетливо вижу, то самое пресловутое разбитое корыто, у которого я осталась, – тем-

ное, потрескавшееся и склизкое, фу! Оно словно стоит в гараже, рядом с моим «Лексусом-460». Теперь, когда я умею все-все, когда у меня есть все, что нужно для счастливой жизни, – разум, опыт, умения, навыки, – мне очень хочется наконец обрести душевный покой. Чтобы меня оценили, блин!

Пусть он будет сантехник, водитель, шахтер, банкир или дрессировщик кошек. Главное – чтобы он был мой, и только мой. Чтобы ни с кем его не делить – ни с картами, ни с бабами, ни с друзьями. А когда он вечером придет домой, чтобы мое сердце билось – гулко и радостно. И я бы его встречала при полном параде (здравствуйте, Регина Борисовна!), накрывала бы ему самый вкусный ужин (спасибо, Светлана Осиповна!) и ненавязчиво хвасталась своими успехами в бизнесе (никогда не забуду вас, Надежда Васильевна, честное слово!). А он бы ел, постанывая от наслаждения, радовался за меня, гордился мною. Уважал меня. И любил. Хотя бы немножечко. Сильно любить я умею и сама. На двоих нам бы хватило.

Я оптимистка, уверена, что так все и будет. Почти уверена... Ну не пропадать же такому добру, как я!

Господи, ну почему я так несчастна?!

Бабушкино наследство

Если говорить про наследство, то это просто смешно. Здесь даже не о чем говорить. Хотя, по семейным преданиям, бабушка была из довольно зажиточной семьи. Были какие-то размытые разговоры о колье из двадцати четырех не мелких брильянтов, еще какие-то серьги с грушевидными камнями и даже сапфировый бант в виде брошки. Серьги, естественно, были проедены в войну, а колье бабушка (с легкостью, будучи вдовой с двумя маленькими детьми) просто отдала брату – у того было трое детей и неработающая жена. Бабушка решила, что там оно, видимо, нужнее. Почему-то брат колье взял, и было опущено то, что долгие годы он проработал на прииске в Магадане бухгалтером, а его жена отлично и не бесплатно обшивала узкий круг знакомых.

Что же касается сапфирового банта, то в чем-то беспечная бабушка его просто потеряла.

– Да бог с ним, куда его надевать? – махала рукой бабушка. – Тебе-то что?

– Ничего себе, ты что, прикидываешься? – удивлялась я.

В общем, в наследство мне достался маленький и пузатый фарфоровый будда, сувенир времен нашей первой дружбы с Китаем, и старые бабушкины часы на потертом кожаном ремешке – но это уже после ее смерти. Ах нет, еще кузнецовское блюдо – блеклое, с небольшим сколом, совсем некраси-

вое, но туда мы с удовольствием укладываем заливное.

И еще несколько фотографий тех лет на плотном коричневом картоне – стоят две девочки, обе красавицы, бабушка и ее старшая сестра, в кружевных платьицах, шелковые ленточки на головах, кожаные туфельки с кнопкой. Детский взгляд абсолютно безмятежен. «Боже! – думала я. – Какое счастье, что они еще не знают, какие сюрпризы приготовили им судьба и эта страна».

Бабушка выскочила замуж в шестнадцать лет. Ей помогли в этом революция и всеобщая неразбериха. Иначе ее бы просватали и выдали замуж как положено – с приданым, в хороший дом и только после старшей сестры. И скорее всего, прожила бы она свою жизнь спокойно, в достатке, нарожав благочестивому и набожному мужу пару-тройку ребятишек. Но ее родители растерялись – растеряешься тут. И решили, что молодой следователь из столицы – вполне приличная партия. По тем временам. То, что у него не было дома, да что там дома – у него не было пары сменных штанов, – их не смущало. Хотя нет, наверняка смущало! А бабушке страстно хотелось убежать из маленького городка. В большую жизнь! Пусть уже с пузом, пусть с нелюбимым. Да что она понимала в шестнадцать лет? То, что муж нелюбимый, поняла быстро, а куда было деваться? Муж был человек суетливый, «вечно бьющийся за правду», а на деле – неуравновешенный кляузник. Бабушку, правда, обожал. Еще бы! Она была настоящая красавица: зеленоглазая, с длинными русыми волосами,

прямым носом, пухлым ртом, с пышными формами – тогда еще понимали толк в женщинах.

Промаявшись несколько лет с нелюбимым, она наконец встретила свою единственную любовь. Но он был плотно женат. Правда, их это не смутило. Хотя кого и когда это смущало? Вот этот ее избранник был точно герой – красавец поляк с белыми кудрями и синими глазами, невысокий, ладный, просто античный герой.

В революцию – командир бронепоезда (хотя сейчас этим вряд ли можно гордиться, а тогда...). Правда, во все времена женщины любят героев, это потом история ставит точки над *i*. Страсти там, видимо, кипели нешуточные – сужу по обрывкам речей очевидцев и сохранившемуся в старой клеенчатой сумке ее письму к возлюбленному. Судя по этому письму, бабушка устала ждать – она и так ждала его слишком долго и все уводила его из той семьи, а он как-то не уходился. Видимо, измучив друг друга вконец, они сошлись. У них не было «годов счастья». У них случились только месяцы. Забрали его, когда их дочери было восемь месяцев, когда они наконец были вместе и спали, держа друг друга за руки, когда они стояли над кроваткой дочки, надо сказать, получившейся точной копией своего отца – голубоглазой ангелицей с нежными золотистыми кудрями. Забрали ночью – он отмахнулся: завтра вернусь. Не вернулся. Никогда. Ей было двадцать восемь. Сейчас я старше ее на двадцать лет. То есть мой сын почти ее ровесник. Она осталась одна с дву-

мя детьми, в крошечной коммуналке, без определенной профессии. Каким-то чудом не посадили – и в адской машине бывали сбои. Словом, обычная судьба тысяч женщин тех лет. Такая обычная и такая страшная! А дальше – работа в какой-то канцелярии, война, эвакуация, Татария – прополка свеклы на необъятном поле, четыре километра в один конец на работу в совхоз. Сын ушел на фронт, но – счастье – вернулся, правда, инвалидом, однако встал на ноги и прожил достойную жизнь. А она – она всю жизнь прожила с дочкой, обожала ее, гордилась ею, любовалась, служила ей преданно до конца жизни. Тянула на себе большой дом, весь быт – от стирки и магазинов до нашей с сестрой музыкальной школы. Сольфеджио, хор, специальность – все прошла вместе с нами.

Обожала нас, баловала страшно, но как-то по-умному, черт-те что из нас все-таки не выросло. Всю жизнь была нищей, но абсолютной аристократкой по натуре. Соевых конфет не признавала, любила только настоящий горький шоколад. Пекла, варила, закатывала. Трудилась с утра до вечера, а часов в двенадцать, когда мы разбредались по своим углам, обожала сесть на кухне под настольной лампой, закурить свой любимый «Беломор» – и читать! И с образованием семь классов могла объяснить значение любого непонятного слова! Непостижимо!

Маминых мужей не любила – наверное, сильно ревновала. К моим была настроена лояльно – а может, мужья были по-

лучше. Была абсолютная бессребреница. Новые вещи, купленные мамой, долго отказывалась надевать. Любила крепдешиновые легкие платья с желтыми цветами. За столом обязательно выпивала рюмочку водки. А какие она накрывала столы! Рецепт «Наполеона» с клюквой до сих пор все называют ее именем. Обожала нас, внучек, и дождалась правнуков. Моего сына еще видела, сестриного только щупала – уже ослепла. Моим страшно гордилась – он и вправду был хорошеньким, умным и послушным ребенком. Но другим его никогда не хвалила. Говорила: подумаешь! Я ушла из дома рано, сестре повезло больше, она успела с ней, уже совсем старой, говорить и записывать ее рецепты – бабушка торопилась:

– Я скоро все забуду.

К старости очень похудела, я приезжала ее купать, и она была счастлива. Просила сильнее потереть ее мочалкой. Я мыла ее и плакала, глядя на такое беспомощное, высохшее тело. Слез моих она уже не видела. Спрашивала:

– Ну что, я очень страшная?

– Да что ты! Ты у меня еще красавица! – И это была почти правда.

Однажды мама вернулась с работы, а она сидит в темной комнате.

– Мамочка, как же, почему ты не включила свет?

– А мне уже все равно – ничего не вижу.

Говорила, что Бог наказал ее самым страшным – лишил

глаз, читать она уже не могла. И от этого страдала больше всего.

Я часто с ней ругалась – потому что была больше всех на нее похожа. У обеих – темперамент. Нрав, надо сказать, был у нее тяжелый. Но все-таки она была абсолютно светлым человеком. На скамейке у подъезда никогда не задерживалась – сплетни ненавижу! Но странно – обожая дочь и нас, детей от дочери, была как-то довольно равнодушна к сыну и уж совсем – к его детям. Меня это всегда удивляло.

Всего один раз в жизни она почувствовала себя богачкой – подруга, умирая, оставила ей пятьсот рублей. Приличные по тем временам деньги. Выйдя из сберкасы на другом конце Москвы, она тут же начала исполнять роль капризной миллионерши – мы купили все возможные в те скудные времена деликатесы и отправились домой на такси. В такси она была сосредоточенна, видимо, строила крупные финансовые планы. А придя домой, раздала все деньги нам. Богачкой она побыла часа три. Ей хватило.

Ее родная сестра жила у моря, и каждое лето бабушка уезжала туда со мной. И все внуки ее сестры от трех сыновей тоже съезжались в этот дом на все лето – хилые и бледные дети Москвы, Питера и даже Мурманска. В доме была огромная библиотека, и каждое утро я, раскрыв глаза, тут же хватала с полки книгу, а бабушка приносила мне миску черешни и абрикосов. Ощущение этого счастья я остро помню и по сей день: каникулы, книги, море, черешня и – молодая бабушка.

В шесть утра эти уже неюные женщины шли на базар – там командовала ее старшая сестра. Покупали свежие куры, яйца, творог, помидоры, кукурузу, груши – где вы, бесконечные и копеечные базары тех благодатных дней? А к девяти утра был готов обед – ведь за стол садилось не меньше десяти человек! А потом мы шли на море. Там им тоже доставалось – уследи за всеми нами! В общем, курорт был для них еще тот.

А после обеда начинались мои мучения – я занималась обязательным фортепьяно. Хотя занималась – смешно и грустно сказать. «Лепила» что-то от себя, а бабушка сидела рядом и счастливо кивала. У нее абсолютно не было слуха. Облом был только тогда, когда дома оказывался старенький доктор – муж бабушкиной сестры. У него-то со слухом было все в порядке. Он выглядывал из своей комнаты, вздыхал и укоризненно качал головой. Но бабушке меня не выдавал – боялся спугнуть счастье на ее лице.

Умирала она на моих руках, уже совсем слабенькая, почти в забытии. Я сделала ей сердечный укол, понимая, что мучаю ее зря, села возле нее и принялась что-то рассказывать ей про свою жизнь. Мне почему-то казалось, что она меня слышит. Правда – в первый раз, – она ничего не комментировала. На минуту она пришла в себя и спросила, где мой сын. Я ответила, что он во дворе. Она вздохнула и успокоилась, перед смертью в последний раз побеспокоившись о ком-то. Она прожила длинную жизнь, сама удивляясь отпу-

ценным годам. Ее обожали все наши друзья – и родителей, и мои. Когда она ушла, моя любимая подруга сказала, что с ней ушла целая эпоха. Это была правда.

А наследство – наследство, конечно, осталось. Это то, что она вложила в нас, с ее огромной, непомерной любовью. Это то, что мы выросли, смею верить, приличными людьми, а это в наше время уже неплохо. Вряд ли ей было бы за нас стыдно. Наверное, мы ее в чем-то бы разочаровали, но за это она не любила бы нас меньше.

Я не прошу у нее прощения, потому что знаю – она и так мне все давно простила. Мне просто неотвратимо жаль убежавших лет, моей молодой глупости и вечного побега из дома – по своим пустячным и ничтожным делам. Как много я у нее не спросила! Как долго я могла бы говорить с ней обо всем. Расспрашивать подробно-подробно! И долго рассказывать ей о себе!

Как ничтожно мало я разговаривала с ней! Но что мы понимаем тогда – в двадцать или даже в тридцать лет? Разве способны мы оценить и понять тогда всю неотвратимость жизни? Что я знала о ней, о том, что было у нее внутри, какими печалью было наполнено ее сердце, какие бесы искушали ее – ведь она была, безусловно, человеком страстным. Но отвергла абсолютно свое личное и посвятила себя, всю свою жизнь без остатка, нам, неблагодарным, по сути, глубоко наплевав на себя. Что это – жертвенность, отчаяние, любовь?

Да, и еще про наследство. Все в той же коричневой клеен-

чатой сумке рецепты, написанные ее рукой: варенье из китайки, свекла, тушенная с черносливом, – лежат вместе с тем коротким и требовательным ее любовным письмом, где были одни вопросы. Получила ли она на них ответы?

Вопреки всему

Участковый врач Ольга Васильевна Самарина на последний вызов не спешила. Это был ее старый больной, из тех, что со временем становятся почти друзьями, доверяя участковому врачу не только секреты соматики, но и тайны собственной жизни.

Андрея Витальевича Преображенского Ольга Васильевна знала лет пятнадцать, как раз с того времени, как перешла в районную поликлинику из скорпомощной больницы, и жизнь тогда после бешеного ритма больничных суток казалась ей почти размеренной и спокойной. Пару лет ушло на подробное знакомство с участком, где со временем и появились больные, ставшие ей почти родственниками. В основном это были еще сохранившиеся интеллигентные пары или одинокие старики, и свои визиты к ним она, как правило, оставляла «на закуску». Ведь это были уже не совсем формальные встречи – фонендоскоп, тонометр, рецептурный бланк, – а беседы и чаепития с подробными рассказами о детях и внуках, со слегка утомительными, но милыми и трогательными подробностями из прошлой жизни. Словом, с тем, что непременно сопровождает закат человеческой жизни – увы!

В разряд любимых больных попадали милые, измученные болезнями и невзгодами люди, щепетильные и крайне сму-

щающиеся повышенного, как им казалось, внимания. Ольгу Васильевну они старались лишний раз не беспокоить – только когда становилось уже и вовсе невозможно, при этом волновались, что отрывают ее от более важных и сложных дел. Конечно, они ее обожали за то внимание и тепло, которые она приносила в их одинокие и холодные дома, и из своих скудных пенсий или запасов непременно старались ее отблагодарить и порадовать – то банкой варенья или соленых грибов, то корзинкой яблок с дачного участка, то редкой книгой из собственной, годами тщательно собираемой библиотеки, то просто дефицитной коробочкой шоколадного ассорти. Ольга Васильевна, вообще-то довольно резкая и нетерпимая ко всяким «обязывающим», как она считала, подношениям, эти презенты брала только из боязни обидеть дарителя, зная, что все это наверняка от чистого сердца.

Больной Преображенский не беспокоил ее примерно полгода, и, заходя в мрачный, сырой подъезд, Ольга Васильевна попеняла себе на то, что за все это время ни разу не позвонила ему. Был Андрей Витальевич из «бывших», как говорили, имея в виду его дворянские корни, в прошлом кадровый офицер элитных инженерных войск. Вдовел он уже лет восемь, и она прекрасно помнила его покойную жену Валерию Викентьевну – худенькую и сухонькую крохотулю, работавшую в запасниках Третьяковки. Она, эта маленькая и слабенькая Лерочка, и была главной движущей силой их небольшой бездетной семьи. Боже, а какие Лерочка пек-

ла пироги! Голодная Ольга Васильевна проглотила слюну, вспомнив промасленный пергамент, в который жена Андрея Витальевича обязательно заворачивала ей еще теплые пирожки – с зеленым луком, картошкой, вишнями. Дух стоял на весь подъезд. На лестнице, выйдя из квартиры, Ольга Васильевна быстро разворачивала кулек и жадно сразу съедала два пирожка, остальные доставались сыну Шурику. К себе Лерочка Ольгу Васильевну никогда не вызывала – только к мужу. Болел всегда он. С боем и уговорами Ольга Васильевна заставляла ее раздеться и слушала сердце и легкие, мерила давление – Лерочка долго сопротивлялась, но со вздохами все же подчинялась и, нехотя и отшучиваясь, начинала раздеваться, аккуратно вешая на стул светлую блузочку и маленькую, словно детскую юбку. Опекаемым и больным в доме был назначен муж, а ушла первой она, Лерочка, – так часто бывает. Ольга Васильевна была тогда с сыном в отпуске в Анапе, а приехав, узнала о тихой Лерочкиной смерти – дома, ночью, от инфаркта. После ухода жены слег Андрей Витальевич, и тогда ходила Ольга Васильевна к нему часто – почти через день. Сразу обострились и его застарелая астма, и язва, и, конечно, гипертония – в общем, весь букет. Он умолял Ольгу Васильевну не беспокоиться, объясняя, что жизнь его, по сути, уже закончилась и потеряла всякий смысл с уходом любимой жены, страдал и корил себя страшно, что не уберег ее. Ольга Васильевна тогда крепко измучилась с ним, понимая, что это глубокая депрессия, настояла на вызове район-

ного психоневролога и даже, робея и смущаясь, пыталась говорить с ним о каком-то дальнейшем устройстве его личной жизни – одиноких «невест» на участке было предостаточно. Она терпеливо объясняла Андрею Витальевичу, что это нормально, примеров – сколько угодно, и еще что-то банальное про то, что старость и болезни легче коротать вдвоем, и еще что-то про устройство быта. Но он тогда на нее почти обиделся и даже накричал, а потом пришел к ней в кабинет мириться – с букетом мелких и пестрых осенних астр.

Лифт не работал, и Ольга Васильевна тяжело, с остановками поднялась на шестой этаж. Перед дверью Преображенского она постояла пару минут, переводя дух, и нажала на кнопку звонка. Дверь открыли на удивление быстро, и на пороге Ольга Васильевна увидела молодую девушку лет двадцати в халате и шлепках, с распущенными по плечам пушистыми светлыми волосами. Ольга Васильевна растерялась и на секунду подумала, что ошиблась дверью, но тут же услышала знакомый голос и хриловатый кашель Андрея Витальевича.

– Ольга Васильевна, голубушка моя! А я вас совсем ждался!

Андрей Витальевич, шаркая, появился в узкой прихожей. Девушка молча пропустила Ольгу Васильевну и приняла у нее плащ. Ольга Васильевна прошла в ванную и долго мыла руки, пытаясь понять происходящее. Не поднимая глаз, без единого звука, молча, девица протянула ей свежее ва-

фельное полотенце. Ольга Васильевна вздохнула, пристально глядя ей в лицо, вытерла руки и прошла в комнату. Квартира была из двух смежных комнат, и Андрей Витальевич сидел в кресле в маленькой комнате, которая всегда считалась спальней. В большой, проходной, комнате Ольга Васильевна увидела следы пребывания, а скорее проживания, новой жилички – кофточки и юбки на спинке стула, косметику на журнальном столике и маленький кассетный магнитофон на подоконнике.

«Может, родственница?» – мелькнуло у нее в голове.

Андрей Витальевич сидел, откинув голову на спинку высокого кресла, и тяжело дышал.

– Был приступ? – коротко спросила Ольга Васильевна.

Он молча кивнул. Потом, откашлявшись, добавил:

– Ночью «Скорую» побеспокоили. Теперь вот и вас, голу-бушка, мучаю.

Ольга Васильевна вздохнула и покачала головой. Потом принялась за дело. Выслушав и осмотрев больного, она попросила показать все лекарства, которые он принимал в последнее время, что-то откорректировала, отменила, где-то увеличила дозу, добавила сердечное, отметив в своем блокноте, что надо бы сделать кардиограмму и биохимию крови, конечно, на дому. Вздохнув, сказала, что с этим сейчас как не просто и придется подождать. Андрей Витальевич соглашался и мелко кивал.

– А может, в больницу ненадолго, а, Андрей Виталье-

вич? – предложила она ему. – Обследуют, витаминчики поколют, может, чего умного скажут. – Ольга Васильевна пыталась шутить, понимая, впрочем, что и это не панацея.

Андрей Витальевич замахал руками – что вы, что вы, в больницу ни за что! А потом, улыбаясь, кивнул на стоявшую истуканом в дверном проеме девицу.

– Я ведь теперь не один, Ольга Васильевна. – И, помолчав, смущенно, почти жалобно добавил: – Ксаночка, моя жена. Познакомьтесь.

Ольга Васильевна онемела, а спустя минуту, почти взяв себя в руки и кашлянув, все же не сдержалась и брякнула в сердцах, не стесняясь девицы:

– Господи, и вы туда же, Андрей Витальевич! Уж от вас-то я этого вовсе не ожидала!

Он торопливо и сбивчиво стал что-то бормотать, что это совсем не то, что она подумала.

– О чем вы, Ольга Васильевна? Это внучка Лерочкиной приятельницы из Севастополя, чудная девочка, учится здесь в педагогическом, не подумайте о нас плохо, это просто было так нужно, даже необходимо, Лерочка это бы одобрила, – бормотал он. Девица вышла на кухню.

Ольга Васильевна вздохнула:

– Господи, ну какая разница, что об этом подумаю я! Думать надо было вам, милейший Андрей Витальевич, вы же в уме и твердой памяти, ну разве вам неизвестно, чем похожие истории заканчиваются? – От отчаяния у Ольги Васильевны

выступили слезы на глазах. – В лучшем случае через полгода вы окажетесь в доме для престарелых, а в худшем – сами знаете где. Ну как вы могли, столько женщин приличных вокруг, немолодых, но в силе. Нашли бы себе, в конце концов. И кашу бы вам варили, и яблоко натирали, и в сквере под «крендель» гуляли, а так разве можно?

Ольга Васильевна резко встала со стула, положила рецепты на тумбочку, кивнула через плечо и пошла к выходу. Вслед ей Преображенский продолжал бормотать, что все она не так поняла или он, старый дурак, не смог толком объяснить, что девочке негде жить, а квартира и так пропадет – наследников-то нет.

– Квартира? – Ольга Васильевна остановилась и резко бросила: – Квартира, говорите, пропадет? Девочку пожалели? А сами вы не пропадете? Себя бы пожалели, а не девочку!

В коридоре стояла Ксаночка и держала в руках плащ Ольги Васильевны. Ольга Васильевна пристально посмотрела и разглядела наконец ее лицо. Оно было не просто точно-красивым – это было прелестное, тонкое и породистое лицо, темные, умные, глубокие глаза, красиво и четко очерченные пухлые губы, узкий трепетный нос и густые, длинные и богатые брови. «А она ведь красотка, – подумала Ольга Васильевна, – не сделанная, а природная, естественная красота, молодая Чурсина, ни убавить ни прибавить. Удача природы. А главное – глаза. Не пустые, а полные смысла – тревоги,

тоски и боли. Сейчас у молодых редко встретишь на лице такую палитру эмоций. В общем, девочка не простая, та еще штучка, с секретом». Ольга Васильевна усмехнулась, взяла из рук Ксаночки плащ и дернула дверную ручку.

— Здесь все честно, это не то, о чем вы подумали, — услышала она тихий голос за спиной.

Ольга Васильевна обернулась и увидела искаженное отчаянием и стыдом лицо девушки.

— Что мне-то думать, — вздохнула Ольга Васильевна. — Это вы думайте, как потом с Богом разбираться будете. — Она стала быстро спускаться по лестнице.

На улице у подъезда она устало опустилась на скамейку и стала себя грызть и ругать: «Какая же я дура, господи, ну какое мое собачье дело? Все просто и банально. Ей нужна квартира! Но ведь и он не в маразме, добровольно, без принуждения, а расплата будет, непременно будет, только вопрос: какая? Все с ними ясно, с этими приезжими девицами, без вариантов, но дело сделано, а мне-то что, своих забот — не расхлебашь, но ведь какое прекрасное лицо! А глаза! Неужели и это уже ни о чем не говорит? О tempora, о more!» — Вспомнив латынь, Ольга Васильевна медленно побрела к автобусной остановке.

Из головы абсолютно и начисто вылетело слово. «Возраст», — грустно подумала Ольга Васильевна и продолжала мучительно вспоминать, как там, черт возьми, наука о лицах? Физиогномика, что ли, или нет, не так? Надо будет дома

в словаре посмотреть. Да ну его, слово, что слово? Все это полная чушь, ничто не работает: ни лицо, ни глаза. А работает только одно – жизненный опыт. Вот его-то вокруг пальца не обведешь. Это Ольга Васильевна знала наверняка. А когда подошел автобус, она вспомнила, что забыла купить кефир и хлеб, прошла в своих горьких думах мимо магазина. Возвращаться не было уже никаких сил, и, плюнув на все это, она поехала домой. Осень в тот год набросилась рьяно и сразу – аккуратно после короткого, как вздох, всплеска теплого бабьего лета, и сразу началась тяжелая пора – хроники, ранний грипп, респираторные. Ольга Васильевна, и сама простуженная, бегала по двум участкам, заменяя заболевших коллег. А в ноябре Шурик объявил о своем намерении жениться – сразу и безотлагательно. Ольгу Васильевну эта новость прибила и расплющила – сыну было всего двадцать, и она в каком-то почти горячечном бреде и почему-то глубокой обиде и ревности начала рьяно разменивать квартиру – ни сердцем, ни головой невестку не принимая и, положив руку на сердце, не пытаясь принять. Обмен нашли только в марте, и тогда же, весной, Ольга Васильевна переехала в другой район. Поначалу пыталась ездить оттуда на старую работу, но это было крайне утомительно – два автобуса, пересадка в метро, в общем, игра не стоила свеч. И летом, отгуляв отпуск, она уволилась и перешла в поликлинику около дома. Там тоже было все непросто – участок дали дальний и сложный, кабинет окнами на север – темный и холодный, заведующая была из

зануд и бюрократов, а медицинская сестра и вовсе манкировала обязанностями и, кроме того, попивала. Дома ночами Ольга Васильевна часто плакала, тоскуя по сыну и прежней, принадлежавшей только им двоим, общей и дружной жизни. Но – удивительное свойство человеческой натуры, спасительная внутренняя мимикрия – человек привыкает ко всему! Спустя два года почти привыкла к новой жизни и Ольга Васильевна. Отношения с сыном и его женой худо-бедно из нервно и постоянно негативно пульсирующих постепенно перешли если не в дружеские, то скорее в спокойные и почти дружелюбные. Закончились, слава богу, вечные, постоянные обиды и претензии. На работе тоже со временем все как-то постепенно срослось и вошло в свое привычное русло. Ольга Васильевна успокоилась и стала наконец спать по ночам.

Как-то весной, в мае, в выходной, Ольга Васильевна поехала в свой старый район в гости. Пригласила приятельница и бывшая коллега, офтальмолог Маечка, с которой она не теряла связи. Это были первые по-настоящему теплые, даже почти жаркие дни, и, выйдя из метро, Ольга Васильевна сняла вязаный жакет и медленно пошла через знакомые дворы, вдыхая запах только что распустившейся сирени.

По знакомым местам проходила с грустью, вспоминая и себя молодую, и сына, бегавшего по этим дворам еще совсем ребенком. И его детский сад, и школу – словом, прокручивала в памяти всю свою прежнюю жизнь, кажущуюся сейчас ей почему-то абсолютно и безусловно счастливой. В знако-

мом дворе в песочнице галдела детвора, и Ольгу Васильевну вдруг окликнули. Она замедлила шаг и стала растерянно оглядываться – зрение-то было уже не ахти. Прищурившись от яркого солнца, она увидела, что зовет ее и машет ей рукой седой и худощавый мужчина, сидящий у песочницы на скамейке. Ольга Васильевна подошла ближе и узнала Андрея Витальевича Преображенского. Они обнялись, и она присела рядом, не веря своим глазам и радуясь, глядя на него – чисто одетого, гладко выбритого, посвежевшего и слегка загоревшего.

– Как вы, голубушка милая? – радовался встрече он.

И Ольга Васильевна стала почему-то подробно рассказывать ему про свою жизнь – про сына, невестку, новую квартиру и работу. Он оживленно кивал и гладил ее по руке, глядя абсолютно спокойными и счастливыми глазами.

– А вы-то как, Андрей Витальевич? Что я все о себе да о себе, – смутилась Ольга Васильевна.

– Чудно, милая Ольга Васильевна! Просто чудно, вот с Кешей прогуливаюсь, Иннокентием, господином двух с половиной лет, – счастливо кивнул он на малыша в клетчатой яркой кепочке и джинсовой курточке, ковыряющегося с пластмассовым ведерком в песке.

– С Иннокентием, – эхом повторила ничего не понимающая, ошарашенная Ольга Васильевна. – Значит, у вас все слава богу? – попробовала еще раз усомниться она.

– Лучше и быть не может. Только непонятно, я его, – он

кивнул на мальчика, — выгуливаю или он меня. — Андрей Витальевич счастливо засмеялся.

— А здоровье? — тихо спросила Ольга Васильевна.

— Вполне, — быстро откликнулся Преображенский. — Да и думать мне теперь об этом некогда, столько хлопот! — заверил он ее.

Ольга Васильевна посмотрела на часы и, извиняясь, поднялась со скамейки. Опаздывала она уже минут на сорок. Они распрощались, и Андрей Витальевич галантно и церемонно приложился к ее руке. Слегка обалдевшая от увиденного и услышанного, Ольга Васильевна дошла до Маечкиного дома. Все были в сборе, ждали только ее. Маечка была в своем репертуаре — наготовила столько, что на столе не нашлось места для вазы с цветами. Было вкусно, весело и шумно, как всегда бывает в большой и дружной семье. Перед горячим Ольга Васильевна взялась помогать хозяйке — стала собирать со стола закусочные тарелки и пустые салатники. На кухне она остановила запыхавшуюся в хлопотах Маечку и спросила, не знает ли та что-нибудь о Преображенском, ее, Ольгином, бывшем больном. Маечка присела на стул, закурила, переведя дух, и сказала, что да, конечно, знает, так как полгода назад давала ему направление в глазную больницу на операцию — катаракта, что ли. Сейчас у нее на учете, что естественно.

— Ну а жена его молодая, ребенок? — нетерпеливо перебила Ольга Васильевна.

– Какая жена? Господь с тобой, Оля! Это же все фиктивно было! Пожалел девчонку, родственница ведь дальняя или знакомая, что ли. Да и что квартире пропадать! А она потом замуж вышла, уже не фиктивно, гражданским браком, естественно, ну и мальчишку родила. Ребята они чудные, и она, и муж ее, за дедом ходят, за родными так не следят. И в санаторий его отправляют, и питание, и уход – все достойно более чем, в общем, приличные люди, у него, слава богу, настоящая семья. Дед счастлив, внука названного обожает, расцвел. Да и в квартире сделали хороший ремонт, короче говоря, продлила ему эта девочка жизнь и просто на ноги поставила. Кто бы мог подумать, а вон как в жизни бывает вопреки всему. – Маечка вздохнула, качнула головой, затушила сигарету и бросилась доставать из духовки утку.

– Вопреки всему, – повторила вслух Ольга Васильевна и подала Маечке большое овальное блюдо под горячее.

Потом был еще долгий чай с фирменным Маечкиным «Наполеоном», и разомлевшая Ольга Васильевна стала наконец собираться домой. В метро было свободное место, и она, счастливая и отяжелевшая, плюхнулась на него и прикрыла глаза, думая о том, что опыт опытом, а вон оно как, слава богу, бывает, и какое счастье вот так ошибаться, и как в это сложно поверить, в наше-то безумное и недоброе время. А раз так, значит, по-прежнему можно верить в людей и еще на что-то надеяться. И повторяла Маечкину фразу: «Вопреки, да, точно, вопреки всему».

И Ольга Васильевна вспомнила прекрасное и тонкое Ксанино лицо, и необычные глаза, и – черт, опять забыла слово, – ну, про эту науку о лицах. Все же наука есть наука. А с этим не поспоришь. А еще ее стало клонить в сон, и она очень боялась уснуть и, не дай бог, проехать свою остановку.

Беспокойная жизнь одинокой женщины

Бедная Элен! Ну почему так несправедлива бывает судьба! Почему раздает она блага свои совсем не по заслугам, а как придется. Как вздумается распорядиться ей своими капризами. Где же высшая справедливость, наконец, если сценарии судеб пишутся будто бы впопыхах и на черновиках и переписывать их не с руки, да и некогда. Как можно с этим согласиться? А куда деваться? Только ниточка надежды становится все тоньше и призрачнее, и уже почти устаешь ждать и надеяться, но все же. Так скроен человек, и, наверное, в этом есть смысл.

Тогда, давно, в средней школе, она была, конечно же, никакая не Элен, а просто Лена Кирсанова, во всем положительная девочка – никогда и никаких эксцессов, ни двоек, ни плохого поведения. Не ученица, а радость учителя. Правда, ничем особенно не блистала. Но ровная ко всем, наружности приятной, без изъянов, большеглазая, светленькая, чуть плотноватая. Со всеми доброжелательна и в контакте. Вот только русичка, Флора Борисовна, ставила Лене Кирсановой свои бесконечные четверки.

– Все у тебя ровно и грамотно, Лена, – говорила она всякий раз после разбора сочинений. Но смотрела на Лену с ка-

ким-то сожалением, видимо думая о чем-то своем, неизвестном. – Все слишком ладно, и тема раскрыта, но не цепляет. – Она вздыхала и протягивала Лене аккуратную тетрадь, подписанную ровным, почти каллиграфическим почерком. А свои редкие и потому такие ценные пятерки ставила взбалмошной Машке Громовой – та или вообще сочинения не сдавала, или, как говорила Флора, выдавала шедевры. Да бог с ней, с Флорой. Все остальные учителя Лену Кирсанову ценили, как ценят свой покой и чужую предсказуемость. В классе она ни с кем близко не сходилась, общаясь в основном с самым замухрыжным ботаником и отличником Димкой Рощиным по прозвищу «метр с кепкой». Что у них было общего? Да особенно ничего, просто Димка – верный товарищ, всегда знал, что задано, и спокойно и объективно разъяснял обстановку в классе. А там уже вовсю закипали страсти и разгорались романы. Самый яркий – у Машки Громовой с красавцем Никитой Журавлевым. Это обсуждали все: и ученики, и учителя. Но интересовало всех, конечно, одно: живет ли Машка с Никитой интимной жизнью, и сочинялись ли небылицы по поводу Машкиных подпольных абортов.

А в начале последнего школьного года, придирчиво рассматривая друг друга, все удивились переменам в Лене Кирсановой, вдруг превратившейся в писаную красавицу: белокожую, сероглазую, с роскошной, выгоревшей после южного солнца копной волос, которые она впервые распустила по круглым, покатым плечам. А фигура? За лето Лена стала вы-

ше всех девиц в классе, похудела будь здоров, и образовались тонкая талия, высокая, большая грудь и крепкие загорелые ноги. Но главным было не это. Главное – откуда ни возьмись у тихушницы и скромницы Лены появился загадочный, абсолютно русалочий взгляд. Взгляд в никуда – задумчивый и томный. В общем, это была уже не Лена Кирсанова, а одна сплошная и непостижимая тайна. Мальчишки, естественно, обалдели и притихли. Только Машка Громова сразу все просекла и, поманив Лену пальцем, закулив и прищурясь, спросила в лоб:

– Трахаешься?

Машка есть Машка. Лена не ответила, а просто отошла от нее – вот еще, доверить кому-то свои сокровенные тайны! А тайна, конечно же, была. Там, на юге, у Лены случился пылкий роман со всеми вытекающими последствиями. Предметом страсти оказался ленинградский студент Женя. Расстались легко – никто ни на кого не в обиде. Женя уже вовсю торопился в Питер, в свою разудалую студенческую жизнь, пообещав, конечно же, и писать, и звонить.

Вот тогда-то, в самом начале десятого класса, Тим Щербаков, двоечник и бузотер, классный клоун и балагур,глянув на Лену и присвистнув, выкрикнул, показав на нее пальцем: «Элен! Вот она, Элен!» – Единственный персонаж, запавший ему в душу и пустую голову после того, как в классе прошли «Войну и мир». Все обернулись на Лену и согласились: действительно, похожа. С тех пор и обращались к ней

только так, навсегда забыв про Ленку Кирсанову. Ну что ж, Элен так Элен. Не самый плохой, если разобраться, персонаж. Очень многим даже нравился. Ну, если не нравился, то притягивал уж точно. Не всем же быть Наташей Ростовою. Дома умная мама понимала: дочка – красавица, господи, глаз да глаз. Хотя волноваться за Лену не приходилось – та по-прежнему хорошо училась и вечерами сидела дома.

Потом случилось горе: скоропостижно умер Ленин отец – сорок три года, ведущий инженер крупного машиностроительного завода. Семья – никогда не работавшая Ленина мать и сама Лена, в ту пору десятиклассница, – осталась совсем без средств. Мать убивалась по отцу отчаянно – жили они душа в душу, – но еще больше ее страшила их дальнейшая жизнь. Купили в долг вязальную машину и кое-как начали ее осваивать. При тогдашнем тотальном дефиците вязаные кофточки и платья имели приличный успех. Но мать не справлялась, плакала, жаловалась на горькую судьбу, а вот у Элен все получалось аккуратно и гладко. Доставали польские и прибалтийские журналы, переплачивали за импортную шерсть спекулянтам, радовались новым заказам, переживали, если их было мало. В доме сильно пахло шерстью. Весь десятый класс вечерами Лена сидела за машинкой. Какой институт? «Поступлю на следующий год», – решила она. Немножко пострадала по своему первому мужчине – питерский студент не объявился ни разу, но распускать нюни было некогда – дел по горло. Как-то сразу кончилось детство и

наступила взрослая жизнь.

На выпускном под громкую музыку немного потопталась с Димкой Рошиным, старым приятелем, едва доходившим ей до плеча, и ушла домой. Какие там гулянки до утра на теплоходе? У нее было несколько срочных заказов. Дом их после смерти отца сразу как-то потускнел, очень изменился и затих. Исчезли веселые, шумные и обильные застолья – кому охота в тоску и бедность? Мать хандрила, валялась днями в постели, ходила неприбранная, в халате и стоптанных домашних тапочках. И опять жаловалась на судьбу.

– Одна надежда на тебя, Ленка. Ищи себе приличного мужа, – то ли в шутку, то ли всерьез говорила она.

– Это тебе, мамуль, замуж надо, – вздыхала дочь. – А то ты совсем зачахнешь.

Мать подходила к зеркалу и подолгу рассматривала свое отражение, а потом, вздыхая, говорила: «Что ты, Леночка, мой поезд уже ушел». Но через год вышла замуж за двоюродного брата своего покойного мужа, военного в чине полковника, и укатила с ним в Томск, в новую жизнь. Письма дочери писала восторженные: в квартире сделали – сами! – ремонт, достали югославскую стенку, купили новый финский холодильник в Военторге, шубу себе сшила из серого каракуля. Жили они дружно, и мать опять расцвела. И даже завели маленький огород – так у них там, в военном городке, было принято. В конце каждого письма один короткий вопрос: «Как у тебя, доча?» Без подробностей – ни как там с рабо-

той или учебой, ни про личную жизнь, а просто и коротко – «как там у тебя?». Что – «как»? «Плохо» не ответишь – зачем счастливого человека расстраивать? А про «хорошо» тоже особенно не соврешь. А вот подробности мать, похоже, не интересовали, да и особенно хорошего точно ничего не было. Элен и отписывалась гладко – не волнуйся, все нормально. О своем одиночестве – ни-ни. За мать была рада, но все же удивлялась, как из столичной дамы, интересующейся премьерами и нарядами, она превратилась в классическую гарнизонную жену – с засолкой огурцов на зиму, с огородом и посиделками с офицерскими кумушками из женсовета. Душечка, ей-богу. Хотя, что в этом плохого?

А у самой Элен в жизни ровным счетом ничто не менялось. Да и что может происходить, если ты не в вузе и не на работе, а только дома у телевизора вяжешь эти бесконечные юбки и кофты. То, что самые ее распрекрасные годочки утекают, она, конечно же, понимала, как понимала и то, что это не жизнь для молодой и красивой женщины. В один день она достала с антресолей футляр и сложила туда вязальную машину, предварительно протерев ее машинным маслом. Шерсть тоже аккуратно разобрала, сложила в пакеты и туда же, на антресоли. Вот мошь разгуляется! Устроилась секретарем главного врача в районную поликлинику, прямо у дома, пять минут пешком. Зарплата маленькая, но Элен ожила – работа живая, с людьми. Быстро освоила печатную машинку, привела в порядок папки с документацией. Четко

координировала звонки и принимала телефонограммы. Не золотой делопроизводитель – бриллиантовый. Надела белый халат – это было необязательно, но так она казалась себе весомее, – зачесала гладко волосы и поплыла белой лебедью по запруженным больными коридорам. Особенно ни с кем не сдружилась, но была со всеми в хороших и ровных отношениях. Жалобы и сплетни терпеливо выслушивала, но дальше не разносила – все поняли, что ей можно доверять. Пожилая физиотерапевт Вера Григорьевна, с которой она приятельствовала, со вздохом и сожалением ей говорила: «Учиться вам надо, Еленочка, что же вам, всю жизнь в приемной сидеть?» Елена отмахивалась: «Успею еще, да и работа моя мне нравится».

Вскоре, конечно же, случился и роман. Разъяренный на какую-то несправедливость пациент, взлетевший на четвертый этаж, в приемную главврача, остолбенел, увидев сидящую за столом Элен. Про жалобы и претензии вмиг забыл – как не было. В конце рабочего дня ждал ее на улице с букетом красных тюльпанов. Звали его Леонид. Был он разведен, жил с дочкой восьми лет, которую ему милостиво при разводе оставила бывшая жена. Дочку свою, Алису, девочку болезненную, тихую и плаксивую, он обожал и отцом был в высшей степени трепетным. В Элен влюбился страстно и с надрывом, страдая и разрываясь между ней и дочерью, с ее школой и музыкой, обедами и стиркой, с ее болезнями и вечно грустным настроением. Страдал, что не может дарить

возлюбленной царские, достойные ее подарки и проводить с ней больше времени – все урывками, час-другой вечером, с нервами, телефонными звонками дочке и, конечно же, уходом на ночь домой. Никаких ночевок, упаси бог, – девочку на ночь одну не оставлял. Элен относилась к этому спокойно, страданий и метаний его не разделяла, старалась не обижаться и принимать ситуацию такой, как она есть. Хотя, что греха таить, хотелось сходить вечером и в театр, или посидеть в кафе, или устроить себе неторопливый праздник дома – со свечами, белой скатертью и тихой музыкой.

Но судьба опять не расщедрилась, а так, слегка пожалела, со вздохом, как-то по-сиротски, как подачку, выбросив Элен не женское счастье, нет, а лишь временное спасение от одиночества. Элен была покорна судьбе, и эта история тянулась бы, возможно, годы и годы, если бы не произошло неподвиженное – к ее любовнику вернулась-прикатила, словно побитая собака, бывшая беженка-жена. Окончательно и навсегда – с вещичками. Он ее и пожалел. Перед Элен стоял на коленях, целовал руки и просил прощения, объясняя, что главное – дочь, а дочери нужна мать – какая-никакая. И сходится он с бывшей исключительно из-за девочки, и прощает ей все. Элен отпустила его легко, только чуть-чуть, комариным укусом, кольнуло самолюбие, когда спустя какое-то время на улице увидела их троих, принаряженных, спешащих, видимо, в гости – с тортом и цветами. Жена его была маленькая, тощая, с отросшей пестрой «химией» на голове и длинным

острым носом. «Так-то, – подумала Элен, – ничего не стоит моя красота. Дело в другом». В чем? Это и самой ей было неведомо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.